

К ВОПРОСУ О ДАТЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ШИЛОВСКИХ КУРГАНОВ

История археологии знает немало примеров введения в научный оборот новых ярких, привлекающих всеобщее внимание памятников с ошибочной или не совсем точной первичной интерпретацией. Это явление закономерно – каждый памятник с новыми, ранее неизвестными компонентами культуры при анализе разбивается на отдельные элементы, имеющие аналогии или параллели, и, таким образом, утрачивает значение целостного комплекса, поскольку его интерпретация осуществляется вне определенного культурного контекста и только по совокупности аналогий. Позже, в процессе накопления новых материалов, возникает возможность комплексного анализа всего памятника в системе однокультурных ему древностей, который позволяет уточнить, а иногда и существенно изменить начальную интерпретацию.

Материалы раскопок Шиловского курганного могильника, расположенного на правом берегу Волги выше Самарской Луки, опубликованы сравнительно недавно (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998), но благодаря костяным обкладкам седла из кургана 1 с редкими образцами изобразительного искусства раннесредневековых кочевников, пожалуй, уже сейчас попали в разряд хрестоматийных (Плетнева С.А., 1999, с.202-203, рис.119). Учитывая принципиальную важность датировки и этнокультурной принадлежности кургана, эти вопросы сразу же стали предметом дискуссии: С.А.Плетнева высказала сомнения относительно болгарского этноса погребенных, связав курган 1 с хазарами (Плетнева С.А., 1999, с.203), а И.О.Гавритухин подверг критике попытку А.В.Богачева синхронизировать шиловские курганы с перещепинским комплексом (Гавритухин И.О., 2000, с.28-31).

Взгляды исследователей изложены довольно кратко, но все же С.А.Плетневой намечен очень важный момент – это попытка включить шиловские курганы в систему памятников хазарского культурного круга, условно называемых “курганы с квадратными ровиками”. Подавляющее большинство таких комплексов пока не опубликованы и известны очень ограниченному кругу исследователей. Но количество исследованных на сегодня памятников (по данным А.А.Иванова – свыше 120 курганов) (Иванов А.А., 2000, с.4) делает попытку С.А.Плетневой выделить в междуречье Нижнего Дона и Волги особый степной вариант салтовской культуры полностью правомерной. Чтобы выяснить, как с этой культурной группой соотносятся шиловские курганы, рассмотрим комплексы поэтапно: насыпь, погребальное сооружение, инвентарь, хронология.

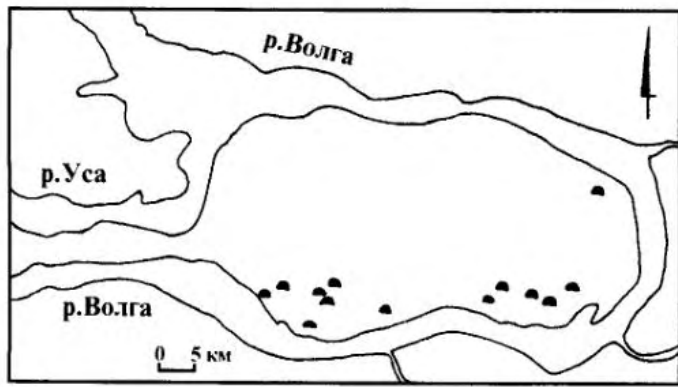
Конструкция кургана

Первая деталь, которую следует отметить в отношении шиловских курганов, это то, что их насыпи сооружены специально для раннесредневековых погребений, в отличие от подкурганых погребений перещепинской культуры (Комар О.В., 2000), большинство из которых впущены в курганы более раннего времени. Насыпь шиловского кургана 1 (рис.1, 7)* довольно сложной конструкции. Из основных конструктивных моментов следует отметить: подквадратный ровик, частокол по периметру ровика и бревенчатые конструкции под насыпью. Курган 2 (рис.1, 9) представляет собой значительно более скромный вариант этой обрядности: бревенчатых конструкций под насыпью нет, а вместо плотного частокола прослежены остатки деревянной подквадратной ограды из столбов, расположенных приблизительно через 2-3 м.

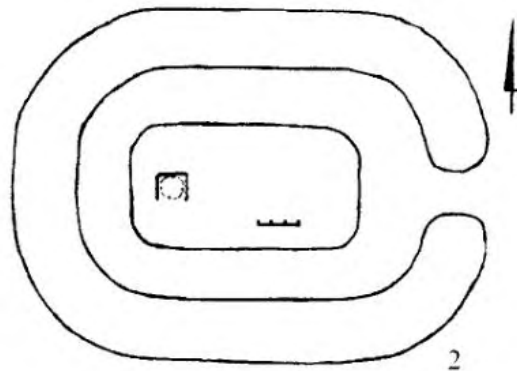
В тюркютских куруках столбы вокруг каменного ящика чаще всего интерпретируются как основание павильона. В нашем же случае размеры сооружения павильон исключают, невозможен он и в случае с алтайским куруком Ян-Гобо (Кубарев В. Д., 1984, табл. XXXIX, 1). Аналогичные кургану 1 Шиловки ровики были в к.3 могильника Урень II и к.1 Старомайского I могильника; вытянутый прямоугольный ровик с перемычкой с западной стороны обнаружен вокруг к.1 Бруснянского III могильника (рис.1, 5), также с перемычкой, но неправильной округлой формы ровик прослежен под к.2 могильника Урень II (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл. I, 1, 9, 10, табл. XV). Остатки выразительного шестиугольного ровика, напоминающего по форме хакасские каменные мавзолеи (Кызласов Л.Р., 1981, рис.28, Б), обнаружены в к.2 Березовского I могильника (рис.1, 8) (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.2).

“Курганы с квадратными ровиками” распространены в довольно узкой степной полосе от Северного Приазовья до Нижнего Поволжья, достигая наибольшей концентрации в междуречье Сала и Маныча. Это отдельная, довольно однородная по обряду и инвентарю культурная группа степного салтовского населения. У наиболее северных памятников этого типа ровики или отсутствуют, или круглые (Круглов Е.В., 1992; Комар О.В., Пioro В.И., 1999), да и в основном регионе их распространения – в междуречье Дона и Волги – ровики прослежены только в 71% курганов (Иванов А.А., 2000, с.17). Поэтому название “курганы с квадратными ровиками”, на наш взгляд, не может служить полноценным термином для обозначения данной

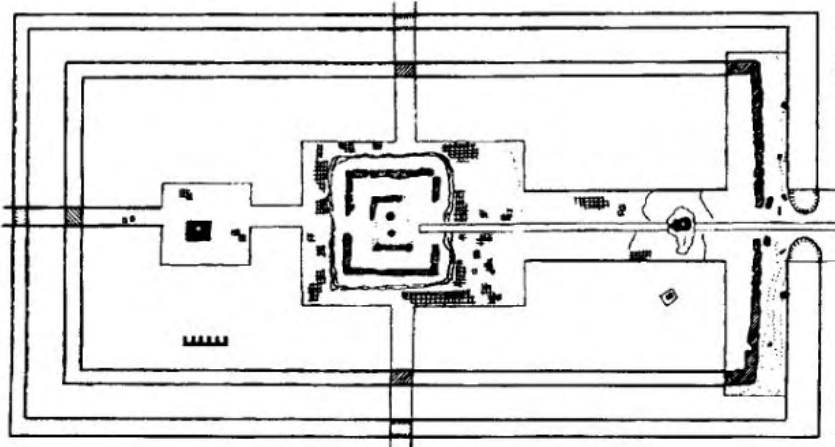
* Здесь и далее все рисунки представлены из указанных в тексте публикаций.

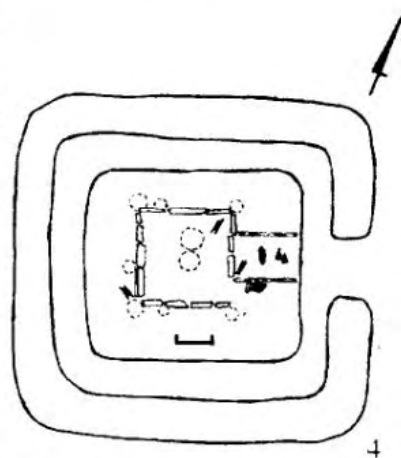
1

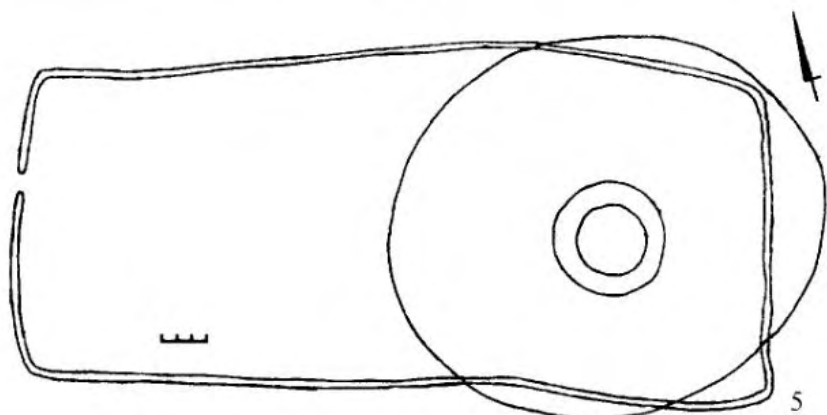
2

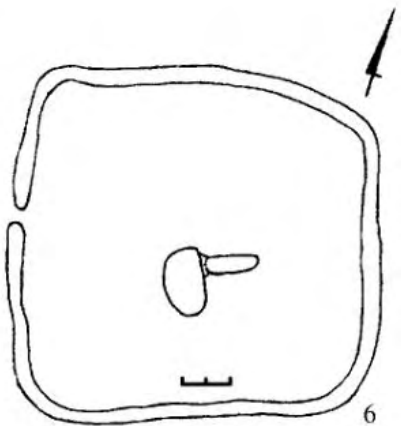
3

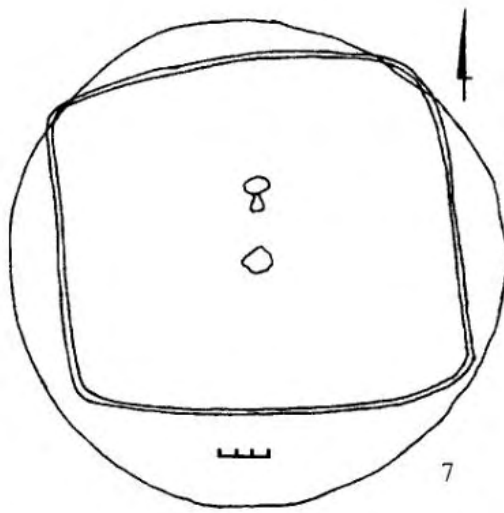
4

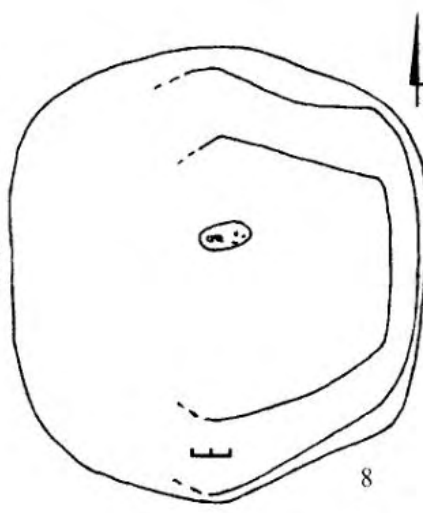
5

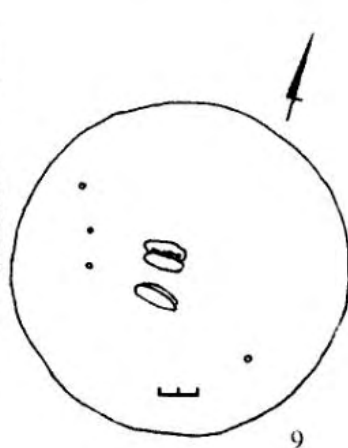
6

7

8

9

Рис. 1. Планировка тюркских поминально-погребальных комплексов. 1 – Самарская Лука; 2 – Эрдэнэмандал IV; 3 – Хушо-Цайдам II; 4 – Малталу; 5 – Брусяны III, к.1; 6 – Мелитополь; 7 – Шиловка, к.1; 8 – Березовка I, к.2; 9 – Шиловка, к.2 (масштаб разный).

Fig. 1. Layout of Turkish memorial and burial complexes 1 – Samarskaja Luka; 2 – Erdenemandal IV; 3 – Khusho-Tsajdam II; 4 – Maltalu; 5 – Brusjany III, barrow 1; 6 – Melitopol; 7 – Shylovka, barrow 1; 8 – Berezovka I, barrow 2; 9 – Shylovka, barrow 2 (scale is varying).

Abb. 1. Die Anordnung der türkischen Bestattungskomplexe. 1 – Samarskaja Luka; 2 – Erdenemandal IV; 3 – Hušo-Zajdam II; 4 – Maltalu; 5 – Brusjany III, Kurgan 1; 6 – Melitopol; 7 – Šylovka, Kurgan 1; 8 – Berezovka I, Kurgan 2; 9 – Šylovka, Kurgan 2 (der Maßstab ist unterschiedlich).

Dess. 1. Disposition des complexes de rites funéraires turcs. 1 – Samarskaja Luka; 2 – Erdenemandal IV; 3 – Khusho-Tsajdam II; 4 – Maltalu; 5 – Brusjany III, tumulus 1; 6 – Melitopol; 7 – Shilovka, tumulus 1; 8 – Berezovka I, tumulus 2; 9 – Shilovka, tumulus 2 (l'échelle différente)

культурной группы. В качестве такового логичнее ввести в научный оборот более общее название, например, – “курганы раннесалтовского типа”, заключающее в себе информацию не только о конструкции насыпи, но и о культурной принадлежности и дате курганов (подавляющее большинство из них не выходит за рамки VIII в.).

Расположение небольшой группы курганов с ровиками на 300-400 км выше по Волге от наиболее северных курганов раннесалтовского типа вызывает большой интерес. Сразу бросается в глаза, что в этой группе нет характерных ровиков с перемычками по углам, все ровики представлены редкими для степи типами. Прямоугольный, расширенный на одном конце и далеко выходящий за границы насыпи ровик, близкий ровику к.1 Брусянского III могильника (рис.1, 5), прослежен в к.1 Саловского I могильника (Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988, с.59); более общая и отдаленная аналогия – знаменитый курук Кюль-тегина (рис.1, 3). Дополнительные погребения, окруженные небольшим прямоугольным ровиком, из к.1 Старомайского I могильника и к.4 могильника Урень II находят аналогии в нескольких неопубликованных курганах из Нижнего Подонья (сообщение А.А.Иванова). Ровик без перемычек также относится к редким типам, наиболее известный из них к.5 Кривой Луки XXVII (Федоров-Давыдов Г., 1984). Последний обнаруживает сходство с к.1 Шиловки и наличием под насыпью небольшого подпрямоугольного деревянного сооружения, которое, возможно, служило для ее укрепления, хотя нельзя исключать и специальное ритуальное предназначение сооружения до возведения насыпи кургана. Об этом свидетельствует к.1 Новониколаевки II в среднем течении Северского Донца (Донецкая обл.), в котором внутри очерченной ровиком площадки обнаружены сложенные на кучу остатки минимум двух разобранных бревенчатых конструкций, одна из которых была обожжена (Моруженко А.А., Зарайская Н.П. и др., 1983, с.69-71). Поскольку золистых пятен на древней поверхности не прослежено, сожженная конструкция должна была стоять вне ровика на отдалении, и только потом обугленные негоревшие бревна перенесли внутрь.

В к.1 Шиловки обугленные бревна в насыпи не отмечены, зато сожжению подвергся бревенчатый

частокол, причем обугленные бревна были убраны с площадки. Аналогии самому частоколу в других курганах неизвестны, относительно же деревянной ограды из к.2 Шиловки С.А.Плетнева высказала мнение, что похожие деревянные или камышовые ограды могли находиться в тех курганах, где ровик не прослежен или слишком узкий (Плетнева С.А., 1999, с.199-200).

В целом же, несмотря на явные локальные отличия средневожской группы, все отдельные элементы конструкции насыпи находят прямые аналогии только в курганах раннесалтовского типа.

О точном назначении и символике четырехугольных ровиков в курганах раннесалтовского типа в современной науке пока нет единого мнения, что, впрочем, не удивительно, учитывая их слабую изученность. А.И.Семенов, а затем М.В.Власкин и Л.С.Ильюков связали происхождение традиции сооружения подквадратного ровика с окруженными валами и рвами тюркютскими поминальными комплексами (Семенов А.И., 1982; 1988, с.101-109; Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, с.150-152). Предназначение тюркютских мемориальных сооружений не ограничивалось отправлением поминальных церемоний, поэтому введение В.Е.Войтовым для них специального термина “курук” (Войтов В.Е., 1996, с.77-79) действительно удачно.

Сочетание рва и вала, всегда представлявшего собой выкид из рва, характерно для алтайских куруков аютинского типа, по В.Д.Кубареву (рис.1, 4) (Кубарев В. Д., 1984, с.51-55), и монгольских куруков I типа и части II типа, по В.Е.Войтову (рис.1, 2) (Войтов В.Е., 1996, с.27-59). Монгольские куруки I и II типов сооружены в честь правителей и высшей знати тюркютов, алтайские же аютинского типа более скромные, хотя также отличаются от рядовых. Самаро-симбирские курганы с ровиками, в целом, также можно считать погребениями местной знати, но этого уже нельзя сказать о Сальско-Манычском междуречье, где открыто большое количество аналогичных рядовых комплексов. В.Д.Кубарев высказал мнение о происхождении куруков аютинского типа вследствие подражания сооружениям высшей знати орхонтских тюрок (Кубарев В.Д., 1984, с.59-63). В.Е.Войтов отрицает это, считая процессы появления поминальных сооружений алтайских и монгольских тюрок параллельными, хотя и отмечает, что куруки аютинского типа из-

вестны пока только в юго-восточной части горного Алтая (Войтов В.Е., 1996, с.68).

Все учтенные В.Е.Войтовым монгольские куруки II типа датированы им в рамках VIII в., более широкую датировку (VIII – 1-я пол. IX в.) имеют куруки аютинского типа, судя по поясным наборам, изображенным на найденных в них статуях (Кубарев В.Д., 1984, табл. XIX, 114, 115, табл. XXX, 185, табл. XXXIII, 198, табл. XLI, 229). Более ранние куруки VI-VII вв. представлены только монгольскими куруками I типа (Войтов В.Е., 1996, табл. I), сооруженными в честь каганов или членов их семей и, возможно, трудно поддающимися датированию рядовыми оградками. Куруки II типа возникают позже каганских и явно пытаются сохранить в общих чертах их планировку при более скромных размерах и меньшем количестве элементов. Скорее всего, прав В.Д.Кубарев – в нач. VIII в. у тюркютов действительно наблюдается тенденция к своеобразной “демократизации” погребального обряда: элементы обряда, используемые раньше только высшей знатью, становятся доступными (или обязательными) и для более низких слоев. Нечто похожее наблюдаем и в культуре хазар на примере распространения обряда кремации (Комар А.В., 1999, с.133). Но откуда у них возникает столь широко бытующий уже в сер. VIII в. обряд сооружения квадратного ровика? Ответ на этот вопрос, возможно, позволит дать анализ пока наиболее раннего кургана с ровиком – к.1 Шиловки.

Реконструкция процесса сооружения к.1 Шиловки, по Р.С.Багаутдинову, состоит из семи последовательных этапов: рытье ровика, выкапывание катакомбы, захоронение, сооружение первичной насыпи, сооружение на насыпи бревенчатой конструкции и частокола по периметру ровика, досыпка насыпи, сожжение частокола (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.81-82). Такая последовательность выглядит гладко только на первый взгляд. Согласно левому описанию, выкид из рва был уложен с внутренней стороны; к центру очерченного рвом пространства от выкида тянулся тонкий слой погребенной пыли, сходящий на нет к центру (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.184). Если выкид растащен при воздвижении насыпи, то почему его следов нет с внешней стороны рва? Не потому ли, что в ров уже с самого начала был вставлен частокол? Хрестоматийное описание погребения хазарского царя (бега) ибн-Фадланом именно и начинается с этого: “если он умрет, то строится для него большой двор” (Ковалевский А.П., 1956, с.146).

Следующий этап, скорее всего, включал комплекс ритуальных действий с телом (или телами), для чего специально была сооружена бревенчатая конструкция. Дальше, конечно, следует рытье катакомбы, разборка деревянной конструкции и сооружение насыпи. Но Р.С.Багаутдинов упустил из вида один важный этап – ограбление/обезвреживание катакомбы. Как бы мы не интерпретировали данное событие, его трудно игнорировать. Дело в том, что попытка грабителей найти погребение явно фиксируется вкопом в центр насы-

пи кургана, названным почему-то автором раскопок “погребением 1”. Для “погребения 2” никакого вкопа не зафиксировано. Вкопов не зафиксировано и для большинства новинковских погребений с разрушенными скелетами, что позволило Д.А.Сташенкову и Г.И.Матвеевой утверждать: разрушение скелета является следствием обряда обезвреживания покойника, который совершался до засыпки погребальной ямы и до сооружения кургана (Сташенков Д.А., 1995а, с.38; 1995б, с.83-85; Матвеева Г.И., 1997, с.52-53). Добавим: после полной или частичной скелетации тела, для которой в зависимости от климата, способа ингумации и химического состава грунта, требуется от 3 до 10-15 лет, но обычно 4-5 лет (Концевич И.О., Михайличенко Б.В., 1997, с.86).

С.А.Плетнева предположила, что в курганах с ровиками последний выполнял охранную функцию от проникновения в могилу (Плетнева С.А., 1999, с.209). Но на самом деле в курганах раннесалтовского типа наблюдается полностью аналогичная новинковской картина: 72% погребений разрушено (Иванов А.А., 2000, с.17), но следы вкопов фиксируются только в единичных случаях. Признание, что между моментом захоронения и моментом сооружения насыпи кургана проходило 5-6 лет, существенно меняет ситуацию: весь этот срок визуальное погребение обозначалось не курганом, а именно ровиком или частоколом, как в к.1 Шиловки.

В литературе уже отмечались несколько этапов культовых действий на месте очерченной ровиком площадки, фиксируемые несколькими слоями жертвоприношений или тризн на дне и в засыпке ровиков (Федоров-Давыдов Г., 1984, с.90-91; Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, с.142). При этом получалось, что при одномоментности события ровик специально после каждого ритуала присыпался землей. Разведение же их во времени на 5-6 лет довольно прозаично объясняет и необходимость как минимум двух ритуалов (при захоронении и насыпке кургана), и факт перекрытия на момент второго ритуала dna ровика слоем затечного грунта, отмеченный во многих случаях. Разрушение скелета производилось не во всех случаях, но все же в курганах с ровиками процент неразрушенных скелетов небольшой. Зато в случае отсутствия ровика в кургане раннесалтовского типа (к.7 Петрунино IV, к.27 Барановки I, к.2 Обозного и др.) скелет часто остается целым (Круглов Е.В., 1992, с.176-181; Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.150). Взаимосвязь ровика и обряда разрушения скелета в данном случае очевидна. Г.А.Федоров-Давыдов предполагал, что такой обряд связан с представлениями о периоде, в течение которого умерший находился в пути в загробный мир (Федоров-Давыдов Г., 1984, с.91). Ровик очерчивал “территорию мертвых”, не позволяя умершему выйти за его границы, но и одновременно запрещая до определенного срока пересекать его живым. Но последние таки должны были обязательно пересечь границу курука, поскольку специально для этого оставлялся проход или четыре разрыва ровика по углам, известные также в монгольских и алтайских куруках (рис.1, 2-б).

Когда срок “путешествия” оканчивался, родственники умершего производили обряд разрушения скелета, дабы воспрепятствовать возможному возвращению духа. Учитывая высокую опасность заражения, делать это должны были опытные люди, постоянно занимавшиеся погребальными церемониями, подобно киибэс якутов (Алексеев Н.А., 1980, с.177-179).

После над могилой насыпался небольшой курган. Поскольку ровик создавал неудобства при сооружении насыпи, вполне возможно, что его разрыв не нес на себе определенной ритуальной нагрузки, а просто служил проходом для переноса земли. Еще больше облегчали задачу четыре разрыва по углам, на что уже обращали внимание М.В.Власкин и Л.С.Ильюков (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, с.150). Форма насыпи в курганах с квадратными ровиками, как свидетельствуют полевые наблюдения В.П.Копылова (Копылов В.П., 1981б, с.105), также была квадратной у основания. Расплывшийся прямой угол сохранила и северо-восточная часть каменной обкладки насыпи к.4 Астахово I (Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н., 1975, табл.ХVI), под которой ровика не было, а следовательно, квадратную в плане форму насыпи следует считать основной для курганов раннесалтовского типа. Внешне такая насыпь должна была напоминать усеченную пирамиду.

Именно насыпи в форме усеченной пирамиды и находились в тюркютских куруках. Их символика восходит к тюркским представлениям о системе мироздания. Как убедительно показал В.Е.Войтов, в представлениях алтайцев находящаяся в центре земли усеченно-пирамидальная гора с плоской вершиной служила обиталищем предков и наиболее могущественных духов. На вершине этой горы росло золотое дерево, уходящее ветвями в небо, символ которого в виде столба или, как на Алтае, настоящего дерева обязательно находился внутри тюркских оградок (Войтов В.Е., 1996, с.116-117). Скорее всего, сооружение усеченно-пирамидального кургана символизировало достижение умершим конечного пункта путешествия – мифологической горы. В куруке из Сарыг-Булуна такой курган был насыпан над сожженной юртой, в которой, согласно тюркютскому обряду, описанному в Чжоушоу, некоторое время стояло тело покойника (Кызласов Л.Р., 1979, с.129–131); в Вознесенке от юрты сохранилась круглая каменная выкладка основания, но кургана внутри вала не было (Гринченко В.А., 1950, с.41). В монгольских куруках I типа насыпи также обязательно сооружались в западной части курука. Сооружение насыпи в к.1 Шиловки было бы проблематичным при сохранении деревянного частокола, поэтому его сожжение понятно с практической точки зрения. Но с другой стороны, сожжение частокола можно сравнить и с обрядом сожжения юрты в Сарыг-Булуна – это своеобразное уничтожение последнего пристанища умершего на земле.

Сколько, согласно тюркским представлениям, пребывал после момента смерти на земле покойник, точно не ясно. В.Е.Войтов обратил внимание на то, что Кюль-тегин и Бильге-каган были похоронены

соответственно через девять и семь месяцев после смерти, предположив, что все это время их тела находились в храмах-барк внутри куруков (Войтов В.Е., 1996, с.109). Но этого срока недостаточно для скелетации тела, которая явно наблюдается на момент разрушения тела в большинстве курганов с ровиками. Очевидно, по представлениям хазар, дух умершего оставался на земле не менее нескольких лет, покидая место захоронения тела только после скелетации последнего. Важность такой констатации состоит еще и в том, что хазары были уверены в своей возможности вернуться на то же место через определенный довольно продолжительный срок, а следовательно, возникновение обряда стало возможным только после основательного освоения региона проживания и четкой регламентации сезонных перекочевок, что было совершенно невозможным раньше, на этапе перещепинской культуры.

Таким образом, действия при сооружении кургана раннесалтовского типа разбиваются на два этапа, разделенных промежутком около 5-6 лет. Этап I: оконтуривание ровиком четырехугольной площадки, в центре которой выкапывается могила; помещение тела в могилу и сопутствующие ритуалы (жертвоприношение животных, тризна и т.п.). На этом этапе погребальная камера прикрывалась деревянными плахами и слегка присыпалась сверху, что позволяло телу разлагаться быстрее и облегчало доступ к нему на этапе II. Этап II: разрушение скелета и сооружение усеченно-пирамидальной насыпи внутри очерченного ровиком пространства опять при сопутствующих ритуалах. Со временем квадратная в плане насыпь, несомненно, расплзалась, перекрывая ровик и создавая иллюзию обычного кургана. На самом деле у хазар данное сооружение собственно курганом не являлось – перед нами сложный поминально-погребальный комплекс, семантически и конструктивно чрезвычайно близкий тюркютским курукам, но, как и хакасские оградки, отличающийся наличием погребения. Отличие довольно существенно – оно свидетельствует, что хазарский погребальный обряд при сохранении многих общих черт с тюркютским Саяно-Алтая и Монголии все же развивался совершенно самостоятельно. Данный тип памятников в общих чертах соответствует понятию “курук” по В.Е.Войтову, но для его различения, пожалуй, целесообразно ввести новый специальный термин: “курган-курук”.

Пока нам известно только два достоверно хазарских курука, аналогичных восточнотюркским, – Вознесенка и Мокрая Балка. В.Е.Войтов сюда же отнес напоминающее оградку каменное сооружение из Провалья на р.Северский Донец (Луганской обл.) (Войтов В.Е., 1996, с.23), но единственная находка из него – удила (Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А., 1974, табл.LXXXI) – не имеют близких аналогий в комплексах хазарского времени. Впрочем, учитывая возможность попадания удил в сооружение в более позднее время, исключать его датировку хазарским временем мы все же не можем, оставляя этот вопрос открытым. Салтовских курганов-куруков без погре-

бений (т.е. чисто мемориальных) в междуречье Дона и Волги на сегодня известно 21 (Иванов А.А., 2000, с.17), к западу же от Дона таких курганов пока только два (Моруженко А.А., Зарайская Н.П. и др., 1983, с.69-71; Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.154-155). В остальных сооружениях наблюдается попытка совместить погребальный и поминальный ритуалы, отмеченная впервые в курганах Шиловки и к.2 Березовского I могильника. Пространство курука все еще ограждается вертикальной стеной: каменной (Мокрая Балка), каменно-земляной (Вознесенка) или деревянной (Шиловка), но в Березовском кургане уже появляется многоугольный ровик.

Перецепинских курганов с основными погребениями пока известно только два – к.13 Дорофеевки и к.17 Наташино; они также принадлежат к горизонту Вознесенки. Ровиков под курганами не было, но в к.17 Наташино над погребением зафиксирована круглая каменная наброска (Колотухин В.А., 1983, с.45, рис.171), что сближает его с новинковскими. Зато известен курган с двумя впускными перецепинскими погребениями (к.2 Васильевки), окруженный круглым ровиком, как показывает стратиграфия, в раннесредневековое время (Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1984, с.53, табл.27, 1, 2). Впрочем, эта приазовская группа населения, хотя и была родственна в какой-то мере более поздним сальско-маньчским хазарам, но все же заметно отличалась от них. Наиболее ранний “классический” курган с квадратным ровиком – к.14 могильника Подгорненский IV, судя по поясному набору и сбруе (Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А., 2000, рис.2, 1-2), появляется в следующем хронологическом горизонте – Галиат-Геленовка, остальные датируются уже временем после 737 г.

Пока неясно, принесен ли этот обряд с востока в готовом виде или же стал следствием “обрядотворчества” хазар, адаптировавших к условиям отсутствия камня, упростивших и удешевивших довольно трудоемкий обряд, который продолжали практиковать до IX в. тюркюты Алтая и Монголии. Упрощение, стандартизация погребального обряда, избавление его от излишеств почти всегда сопровождают процессы унификации государства, его переход на качественно новый уровень, что и наблюдается в культуре Хазарско-каганата после 737 г.

Погребальный обряд

Погребение 2 к.2 Шиловки совершено в подбое под северной стенкой, скелет ориентирован на восток, в головах поставлен кувшин, на ступеньке головой в противоположную сторону растянута шкура коня. Ниже ступеньки подбоя прослежены остатки деревянного заклада, а рядом и под скелетом – древесный тлен, возможно, от гробовища (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.189).

Ближайшие территориально аналогии находим в памятниках новинковского типа. Близкое в общих чертах погребение (подбобоеобразность ямы, восточная ориентация, сосуд в головах, ориентация коня в про-

тивоположную сторону) исследовано в к.7 Осиновского могильника (Богачев А.В., Мышкин В.Н., 1995). По классификации А.В.Богачева, в памятниках новинковского типа шиловскому погребению наиболее близки погребения подгруппы 3.Б.2.а, правда, подбой со ступенькой в ней составляют всего лишь 6% (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.64-67). Аналогии находим и в курганах раннесалтовского типа, например, территориально ближайшего к.7 Петрунино IV (Круглов Е.В., 1992, с.176-177, рис.2). Подбой и полуподбой (одна из стенок немного подкопана, вдоль второй оставлена ступенька – такие сооружения часто интерпретируют как обрушенные подбои, хотя в большинстве случаев следов обвала на скелете не фиксируется) составляют ведущий тип погребальных сооружений курганов раннесалтовского типа, но большинство из них сделаны под южной, а не северной стенкой. Из опубликованных погребений подбой под северной стенкой сочетается с восточной ориентировкой только в к.24 Новосадковского могильника (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, с.147). Различия вполне объясняются ориентировкой скелета, поскольку подбой в обоих случаях находился справа от покойника.

Погребения с восточной ориентировкой в Сальско-Маньчском междуречье единичны, в регионе же Нижней Волги, по данным Е.В.Круглова, восточная ориентация составляет около 16% (Круглов Е.В., 1990, с.163). В лесостепном регионе Северского Донца ориентировка в восточном секторе явно доминирует лишь на салтовском Нетайловском могильнике (Иченская О.В., 1981, с.81-83), также она отмечена для богатого раннесалтовского кургана из Столбища (Афанасьев Г. Е., 1987) и единичного грунтового погребения из Новохарьевки (Сарапулкин В.А., 2000). В Крыму восточная ориентировка представлена только на грунтовом салтовском могильнике Тау-Кипчак (Баранов И.А., 1990, с.115). Восточный сектор преобладает и в единственной группе погребений Саркела достоверно хазарского времени – погребениях в материковых ямах (Артамонова О.А., 1963, табл.2, 3).

Изучение культуры восточноевропейских кочевников более раннего этапа (VII – нач.VIII в.) на сегодня, к сожалению, не достигло даже стадии полноценной первичной систематизации материала. Детальные диссертационные разработки автора в этой области посвящены только региону Северного Причерноморья, данные же по другим регионам привлекались только по материалам немногочисленных публикаций. Диспропорция в количестве учтенных для разных регионов погребений может вполне оказаться и объективной, но все же статистические показатели пока можно использовать лишь для северопричерноморской группы (53 комплекса, в том числе 42 ингумационных погребения). Интересующие нас признаки здесь не относятся к разряду доминантных: восточная ориентировка характерна для 27% ингумаций, подбой – для 23%, наличие коня – для 41,4% (из них остатки “шкуры” отмечены в 26,8% погребений).

По общим характеристикам погребального обряда и инвентаря к причерноморским погребениям

очень близки погребения восточноприазовской и нижневолжской групп. Несмотря на некоторую локальную специфику, обе группы не обладают достаточным количеством признаков, позволивших бы отнести их к отдельному культурному кругу, и их следует рассматривать в рамках конспективно выделенной нами перещепинской культуры (Комар О.В., 2000). Восточноприазовская группа (Атавин А.Г., 1996) насчитывает лишь 6 погребений, из них на восток ориентированы 3, шкура коня присутствует в 5, а вот подбоя вообще нет. Наконец, наиболее интересная для нас нижневолжская группа состоит из 8 погребений: Зиновьевка (Рыков П., 1929), п.5 к.9 Бородаевки (Синицын И.В., 1947, с.130-131), к.1 Авиловского I (Синицын И.В., 1954, с.230-234), п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959, с.110), п.1 к.111 Бережновки II (Синицын И.В., 1960, с.106-107), п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959, с.106-107), п.5 к.3 Быково II (Смирнов К.Ф., 1960, с.229), Новоселки (Богачев А.В., 1998, с.30-32). Восточная ориентировка здесь отмечена только в одном случае (Зиновьевка), а подбой и шкура коня – в 4.

При формальном рассмотрении ориентировки погребений перещепинской культуры, восточная оказывается на втором месте после северо-восточной, достигающей в Северном Причерноморье отметки 51,4%, а, в целом, по всем регионам – 48,2%. “Промежуточное” положение северо-восточной ориентировки позволяет, обычно, исследователям притягивать ее к северной или восточной, в зависимости от положений, которые они стремятся доказать. Но наши привязки к стрелкам современных компасов вряд ли близки к реальным системам пространственного ориентирования древнего населения. Наиболее простой способ определения востока – привязка к точке восхода солнца, сезонное смещение которой превышает 45°. Именно поэтому у тюрков Южной Сибири понятие “восток” на самом деле означало сектор между востоком и юго-востоком, где в разные времена года восходило солнце (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988, с.42-43). Для степных широт Восточной Европы этот сектор несколько иной – СВ-ЮВВ, и именно сюда ориентированы 78,4% северо-причерноморских погребений и 74,1% перещепинских погребений, в целом. Близкий сектор (СВ-ЮВ) доминирует и в ориентировке территориально и хронологически ближайших к шиловским новинковских погребений – 67,9% (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.53).

Подбойные погребения перещепинской культуры концентрируются в двух регионах – в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье. Важно, что практически все известные подбой сооружены под северо-западной стенкой (также справа от покойника), что сближает их с шиловским. Почти обязательны в мужских погребениях и остатки шкуры коня, а иногда и целых костяков. Канон перещепинских погребений тут идентичен раннесалтовским – шкура лежит вытянуто на ступеньке подбоя слева от погребенного или же выше, на перекры-

тии ямы, и ориентирована головой в ту же сторону. Отклонения от этого канона в раннесалтовских курганах редки (например, к.11 Соколовской балки с противоположной ориентировкой коня) (Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В., 1972, с.133-134). В перещепинских же наблюдаются некоторые региональные особенности: в Прикубанье отмечены случаи расположение шкуры справа от погребенного и перпендикулярно в ногах (Атавин А.Г., 1996, с.209, табл.1, 23), а в Нижнем Поволжье – два случая расположения шкуры в ногах в сложном состоянии (Синицын И.В., 1947, с.130; Синицын И.В., 1954, с.230, рис.1).

Погребение 2 к.2 Шиловки отличается от перещепинских и раннесалтовских только ориентацией шкуры коня головой в противоположную от человека сторону. Разницу нельзя считать слишком принципиальной, поскольку отличия в ориентировке коня наблюдаются по всему ареалу расселения тюрков. Противоположная ориентировка коня наиболее характерна для тюркских погребений Тувы, Казахстана и Средней Азии (Могильников В.А., 1981, с.32-34).

Расположение в головах сосуда, деревянные заклады подбоя, а также гробовища из деревянных плашек, тростника или бересты отмечены во многих нарушенных погребениях курганов раннесалтовского типа, обычны они и для перещепинских погребений, но эти детали погребального обряда имеют слишком широкие аналогии как территориально, так и хронологически, чтобы быть показательными. В целом, шиловское погребение 2 к.2 по таким деталям погребального обряда, как подбой под северной стенкой, восточная ориентация, расположение шкуры коня на ступеньке подбоя слева от погребенного, одновременно близко погребениям двух регионов перещепинской культуры – Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, а также небольшой группе погребений в составе курганов раннесалтовского типа.

Погребальное сооружение п.2 к.1 Шиловки гораздо интереснее: это – катакомба (рис.2, 1). Камера удлиненно-овальная, немного неправильных очертаний, с выпуклым сводом. Дромос немного смещен от центра, неправильной формы: на участке, прилегающем к камере, прямоугольный, но на конце расширен до большой подовальной ямы. Неправильная форма дромоса довольно прозрачно объясняется желанием строителей катакомбы положить в дромосе коня, согласно тюркскому, а не аланскому канону, т.е. параллельно погребенным. Об ориентации погребенных судить сложно из-за разрушенности скелетов, но все же обломки черепов и ключица находились в юго-западной части камеры, в то время как кости ног, преимущественно, – в северо-восточной, что, очевидно, указывает на первоначальную западную с отклонением на юг ориентацию скелетов, т.е. также, как и костяка коня. Из деталей обряда следует отметить угольную подсыпку на дне камеры и наличие костей барана.

Анализ погребального обряда, несомненно, следует начать с катакомбы. Р.С.Багаутдинов и А.В.Бога-

чев довольно своеобразно решили эту проблему: шиловские курганы якобы оставлены булгарами-барсилами, которые восприняли на Кавказе катакомбный обряд (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.171). Возникает небольшая проблема: катакомба – это очень сложное погребальное сооружение, устройство которого требует не только знания формы, но и хороших практических навыков. На всех до единого катакомбных могильниках Кавказа и салтовской куль-

туры Подонья обязательно присутствует группа катакомб с заметными отклонениями от канона: неправильной формы камеры, смещенные от центра неровные дромосы, нарушение перпендикуляра при соединении камеры с дромосом и т.д. Такие катакомбы довольно наглядно показывают, что даже прямые носители катакомбного обряда при отсутствии достаточного опыта не могли соорудить катакомбу правильно. Шиловская катакомба, в целом, попадает в

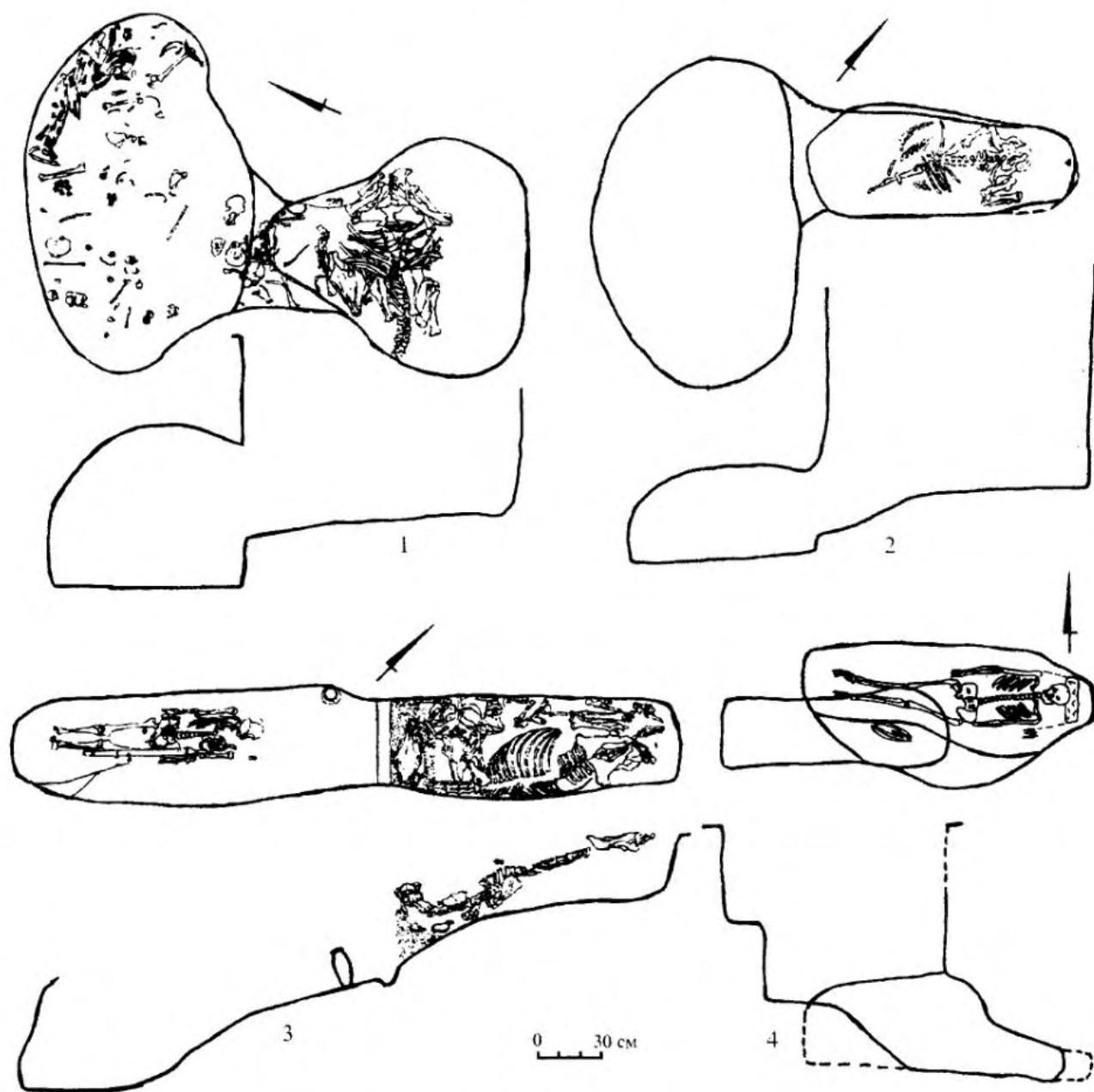

Рис. 2. Раннесредневековые тюркские катакомбы Центральной и Восточной Европы. 1 – Шиловка, к.1; 2 – Мелитополь; 3 – Сѣгвар-Оромдүлѳ, п.1; 4 – Христофоровка, к.7, п.12.

Fig. 2. Early medieval Turkish catacomb burials of Central and Eastern Europe. 1 – Shylovka, barrow 1; 2 – Melitopol; 3 – Szeğvár-Oromdülő, int. 1; 4 – Khrystoforovka, barrow 7, int. 12.

Abb. 2. Frühmittelalterliche türkische Katakombengräber Zentral- und Osteuropas. 1 – Šylovka, Kurgan 1; 2 – Melitopol; 3 – Szeğvár-Oromdülő, Grab 1; 4 – Christoforovka, Kurgan 7, Grab 12.

Dess. 2. Catacombes turques du Moyen Age précoce en Europe centrale et de l'Est. 1 – Shilovka, tumulus 1; 2 – Melitopol; 3 – Szeğvár-Oromdülő, tombe 1; 4 – Khrystoforovka, tumulus 7, tombe 12

группу “неправильных”, но с одной оговоркой – она вырублена не в глине, а в известняке, где точно соблюдения конструкции было сложнее, а это, наоборот, свидетельствует о большом опыте строителей. Поэтому отказываться от поиска прямых аналогий никак нельзя.

В ближайшем хронологическом срезе шиловских курганов близкие подкурганные катакомбы известны в Чир-Юрте. Катакомбы Чир-Юрта, в отличие от степной шиловской, располагались возле хазарского города Баланджар, поэтому отличаются стационарностью и выдерживанием стандарта, широким использованием кирпича и камня. Дромосы трапециевидные, ориентированы строго на север, соединялись с камерой строго по перпендикуляру. Вход часто закрывался кирпичной кладкой, сам дромос заготовывался камнем или сырцовым кирпичом. Камеры овальной формы, преимущественно сводчатые, на дне, обычно, прослеживается угольная и камышовая подстилка, все скелеты нарушены (Магомедов М.Г., 1977). Если отбросить налет урбанизации, чир-юртовские катакомбы отличаются от шиловской только отсутствием погребений коня. Ни одного погребения коня не обнаружено и в грунтовых могильниках Чир-Юрта (Путинцева Н.Д., 1961). Грунтовые погребения Чир-Юрта, обычно, оставляют без внимания хазароведы, забывая при этом, что выводы Т.С.Кондукторовой об однозначно неаланском степном антропологическом типе погребенных (Кондукторова Т.С., 1967) касаются, в основном, грунтовых катакомбных, ямных и подбойных погребений. Последние ориентированы на северо-восток, как и большинство подкурганных погребений перещепинской культуры, поэтому крайне интересно, что в катакомбах представлено антропологически то же население.

Различия между грунтовыми и подкурганными захоронениями не только социальные, как предполагает М.Г.Магомедов (Магомедов М.Г., 1983, с.88-90), но в некоторой степени и хронологические – все датированные курганы Чир-Юрта относятся только к горизонтам Вознесенки и Галиат-Геленовка (Комар А.В., 1999, с.115-123), в то время как в грунтовом могильнике представлен и горизонт 2-й пол. VII в. Это хорошо соответствует историческим реалиям, поскольку впервые хазарский Баланджар упомянут еще в связи с нападением на него арабов в 642/643 гг., позже не вызывают никакого сомнения сведения о неудачном для арабов походе на Баланджар 652/653 гг. (Новосельцев А.П., 1990, с.173-175). Следовательно, традиции сооружения хазарами катакомб могут вполне охватывать и всю 2-ю пол. VII в.

Отмечая несомненную схожесть чир-юртовских катакомб с шиловской, Р.С.Багаудинов элегантно уходит от рассмотрения хазарской версии благодаря заявлению, что среди погребений знати Баланджара присутствовали и булгары-барсилы, которое аргументируется вырванной из хронологического и исторического контекста ссылкой на “источники” (Багаудинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.105). При этом исследователь закрывает глаза на то, насколько

сложна и запугана проблема этноса и локализации барсилов и Барсиллии VII в. Наиболее полно этот вопрос, пожалуй, разобран А.В.Гадло, который показал ошибочность локализации Барсиллии в Дагестане, а также подчеркнул, что барсилы – не булгары, их четко разделяет и Ананий Ширакаци, у которого, собственно, и взята цитата о барсильском этносе жены кагана (Гадло А.В., 1979, с.61-65). Только на рубеже VIII-IX вв. барсилы, как отдельное племя, были насильно переселены хазарами в Волго-Камский регион вместе с булгарами, причем еще во времена ибн-Фадлана (921-922 гг.) все племена сохраняли свою политическую и этническую автономию в составе Волжской Булгарии.

Второй аспект затронутой проблемы – это, собственно, место населения Баланджара в структуре каганата. Наиболее распространенное мнение о тождестве Варачана и Баланджара (Новосельцев А.П., 1990, с.122-125) по сути опровергает версии арабских источников о столичном статусе города для хазар. Варачан довольно подробно описан у Мовсеса Каланкатуаци, также подробно и информация о владыке города “великом князе гуннов” Алп-Илитуере. Согласно албанскому источнику, он был женат на дочери кагана и носил титул “илитуер”, т.е. эльтебер (Мовсес Каланкатуаци, 1984, с.127-128). Такой титул в Тюркском каганате обычно получали вожди подвластных племен, в Хазарском он также отмечен у волжских булгар. И, хотя Мовсес Каланкатуаци параллельно с “гуннами” упоминает только этноним “хазирь”, все же есть основания усомниться в хазарском этносе населения Варачана. Тюрки и жители Баланджара противопоставляются в контексте событий 653 г., а отдельный правитель Баланджара упоминается еще и в связи с событиями 723 г. (Новосельцев А.П., 1990, с.124, 180), т.е. до последних дней своего существования город составлял отдельную административную единицу каганата с собственным правителем. Похоже, несмотря на постоянное присутствие в городе хазар, его население сохраняло специфику своей культуры, симбиоз которой с тюркской и привел в результате к появлению катакомбных погребений Чир-Юрта с тюркскими чертами в антропологии и инвентаре. Это не “хазарская культура” и даже не “культура хазар” – перед нами результат локального взаимодействия культуры хазар и местного населения, в процессе которого многие местные культурные элементы оказались более устойчивыми, чем привнесенные, одним из проявлений чего и стало заимствование хазарами конструкции погребального сооружения – катакомбы.

Западнее Чир-Юрта, в районе Кисловодска, рядом с аланским могильником Мокрая Балка исследован выразительный каменный тюркютский курук горизонта Вознесенки (Кузнецов В.А., 1985). Появление тут кочевников вполне объяснимо: мокробалковское поселение алан находилось рядом с основной магистралью кавказского отрезка “шелкового пути” (да и просто дороги, связывающей побережья Черного и Каспийского морей) и представляло собой удобное место для привала, в котором уже после 576 г. вполне

мог обосноваться тюркский наместник. Впрочем, тюркское влияние в погребениях могильника Мокрая Балка не ощутимо, зато аналогичный вознесенскому инвентарь представлен в катакомбах расположенного недалеко могильника Директорская Горка, чье появление было связано М.П.Абрамовой с проникновением сюда группы тюркского населения (Абрамова М.П., 1982).

Могильник обособлен от соседних аланских и несколько отличается от них. Ориентировка камеры и дромоса в катакомбах Директорской Горки совпадает с шиловской катакомбой, но дромосы узкие трапециевидные; погребенные также были ориентированы на запад с отклонением к югу. Характерная особенность катакомб: каменные оградки вокруг дромосов, а также наличие в дромосах комплексов обожженной сбруи, аналогичных вознесенскому. В засыпке дромоса п.5 найдены кости коня, целый же скелет коня (п.1) был погребен над п.2. Конь лежит в узкой прямоугольной яме головой на северо-восток. Скорее всего, в данном случае погребение коня связано с катакомбой, но поскольку тюркский обряд предполагал параллельное расположение скелетов коня и человека, то коня просто погребли над западным краем катакомбы (только над краем из-за опасения обрушить свод).

М.П.Абрамовой очерчен и круг аналогий каменным оградкам над погребениями: две катакомбы из Мокрой Балки и Острога мыса, а также алтайские тюркские погребения (Абрамова М.П., 1982, с.148). Следует отметить и наличие каменных подпрямоугольных оградок над погребениями новинковского типа (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.50, табл. XXIV, 1; XXV, 1; XXVI, 1; XXVIII, 6). Если оградки катакомб Директорской Горки действительно связаны с тюркскими традициями, то тут наблюдается попытка соединить два разных типа оградок – поминальных и оградок над погребениями. Похожее совмещение поминального и погребального мест (несмотря на данные китайских источников, на самом деле введенных в пространство у восточных тюркютов) (Войтов В.Е., 1996, с.106) находим также в хакасских мавзолеях и в европейских курганах-куруках.

Анализ памятников, появившихся вследствие контактов нескольких групп населения, всегда крайне сложен, особенно если механизм таких контактов точно не известен. Этнические определения без выводов антропологов в таких случаях всегда остаются спорными, позволяя параллельно сосуществовать диаметрально противоположным точкам зрения. Поэтому признаемся сразу, этнос погребенных в катакомбах Директорской Горки для нас не ясен. Пример Чир-Юрта показывает, что преобладание местных культурных элементов над привнесенными не всегда свидетельствует и об этническом преобладании местного компонента, катакомбы же Директорской Горки носят следы даже более сильного тюркского влияния, чем чир-юртские. Очевидно, в нашем случае следует просто остановиться на констатации, что оба памятника демонстрируют несомненные контакты тюркского

населения с носителями катакомбного обряда, достаточно сильные для того, чтобы конструкция катакомбы могла быть заимствована кочевниками.

Катакомбы (и склепы) последней трети VII в. известны еще в одном, довольно неожиданном, регионе – в Приуралье (Уфа) (Ахмеров Р.Б., 1970), где они не только не имеют никаких местных прототипов, но и значительно отдалены от ближайших регионов распространения таких сооружений. Поэтому не могут не обратить на себя внимание уфимские ямные погребения с северо-восточной ориентировкой, полностью аналогичные по инвентарю подкурганам погребениям перещепинской культуры. Как нами уже отмечалось (Комар А.В., 1999, с.112), наличие в этом регионе катакомб и каменных склепов, а также находки двух кавказских кувшинов, скорее всего, отражают какие-то двусторонние передвижения кочевников. Обратные связи фиксируются появлением на Кавказе прикамских вещей, например, в составе коллекции вещей из разграбленных погребений нач.VIII в. из Камунты находился характерный финно-угорский амулет с утиными лапками (Уварова П.С., 1900, рис.246), позже коньковые шумящие подвески становятся обычной находкой в салтовских погребениях.

Присутствие пришлой группы кочевников в приуральском регионе и их контакты с местным финно-угорским населением крайне важны для интерпретации такой сложной проблемы, как происхождение мадьяр. Один из аспектов данной проблемы – наличие в венгерском языке группы взаимосвязанных слов тюркского происхождения, касающихся полного цикла земледельческих работ, – А.Барта связывает с эпизодом пребывания мадьяр в ареале салтовской культуры (Барта А., 1972, с.124-127). Но с тюркским влиянием связан и еще более важный эпизод перехода мадьяр к кочевому образу жизни, который завершился не позже сер.VIII в., а следовательно, начался еще раньше.

Константин Багрянородный считал мадьяр X в. двуязычными, причем связывал знание последними хазарского языка с наличием в их составе кабар (Константин Багрянородный, 1991, с.163). Такое объяснение не совсем правдоподобно: скорее тюркский был освоен мадьярами еще до восстания кабар, т.е. в процессе контактов с хазарами еще в Леведии и до изгнания мадьяр из их исходного региона проживания печенегами.

Не менее интересен и этноним мадьяр, по Константину Багрянородному, – *Σάβαροι ασφαλοι* – “непоколебимые” или “верные” сабарты (Константин Багрянородный, 1991, с.158), связываемый обычно с тюркским этнонимом “сабир”. Прямая связь мадьяр с сабирами, еще во 2-й пол.V в. поселившимися на Северном Кавказе, маловероятна, зато трудно не вспомнить в данном случае сообщение ал-Мас’уди о том, что “по-тюркски” хазары зовутся “сабир” (Заходер Б.Н., 1962, с.131). Установление точного значения слова “сабир” – задача для лингвистов, для нас же важна констатация о возможности перенесения, таким образом, этнонима “сабир” на часть мадьяр, контактиро-

вавших с хазарами с последней трети VII в. по первую треть IX в.

От синхронных аналогий перейдем к более поздним, поскольку шиловская катакомба не единственная в кургане с ровиком. Две катакомбы в курганах-куруках известны в Сальско-Маньчском междуречье (Иванов А.А., 2000, с.18), но они отличаются от шиловской расположением дромоса вдоль длинной оси камеры. Т-образная катакомба в кургане с квадратным ровиком исследована лишь в к.8 группы "Заячьи могилы" возле г. Мелитополь в Северном Приазовье (Болтрик Ю.В., Комар А.В., 2001) (рис.1, 6, рис.2, 2). Дромос узкий, трапециевидный, ориентирован на юго-запад, но соединяется с камерой не по центру, а в ее северо-западной части. Целый остов коня положен в дромосе головой ко входу в камеру. Об ориентации погребения судить невозможно из-за полного изъятия костей человека при проникновении в катакомбу, камера же ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Дата мелитопольской катакомбы не совсем четкая: кон.VIII – нач.IX в., но, в любом случае, она более поздняя, чем шиловская, а, следовательно, традиция сооружения катакомб сохранялась населением, оставившим курганы с ровиками, довольно долго.

Форма катакомб несомненно заимствована у алан, но механизм и причины этого заимствования нельзя объяснить просто соседством: речь идет об изменении погребального обряда, а, следовательно, для этого должны были существовать какие-то идеологические предпосылки. Катакомба представляет собой погребение с входной ямой и камерой; те же конструктивные элементы представлены и в подбойном погребении, но расположены по-другому. Эта параллель, конечно, общего порядка, но крайне неожиданную струю в этот вопрос вносят материалы аварского могильника Сёгвар-Оромдюлё, в котором представлены катакомбные, подбойные и ямные погребения, ориентированные, преимущественно, на северо-восток. Ямные и подбойные погребения с северо-восточной ориентацией часто сопровождалась шкурой коня, ориентированной в ту же сторону, расположенной слева от человека на ступеньке подбоя или выше – на перекрытии ямы. Совпадение ориентировки с перещепинской может быть и случайным, поскольку не исключено, что это просто отклонение от обычной для части аварских могильников северной ориентации, но их близость к рядовым погребениям перещепинской культуры все же очевидна. Можно согласиться с мнением Г.Лёринци о их родственности, но гипотеза о причерноморском происхождении этой группы населения, проникнувшей в Карпатскую котловину в VI в. вместе с аварами (Lorinczy G., 1992; Марчик А., Фоти Э., Лёринци Г., 2000), пожалуй, не выдерживает критики.

Материалы всех 523 погребений могильника пока не опубликованы, но крайне интересно п.1 с выразительным инвентарем комплексов арцибашевского типа (Lorinczy G., 1992, abb.1-7). Г.Лёринци довольно хорошо знает восточноевропейские аналогии геральдическим бляшкам и инкрустированным подвескам,

но при этом для датировки пытается использовать монеты VI в. из Джигинской и п.81 Агафоново (Lorinczy G., 1992, p.105-110), не обращая внимания на то, что, например, точные аналогии овальной бляшке (Lorinczy G., 1992, abb.4, 7) из п.5 к.3 Мадары попали в землю однозначно после 680 г. Торцевая сторона колтов из Джигинской, Кайбалы и Симбирской губернии (Кондаков Н., 1896, рис.115-119) декорирована специфической "бегущей волной", точные аналогии которой находим на нагрудной подвеске из Глодос (Сміленко А.Т., 1965, табл.III, 2) и футляре бутероли из Перещепины (Сокровища хана Кубрата, 1997, кат.42). В кладе же из Мерсины, застежки цепи из которого обычно привлекаются как аналогии цепи из Джигинской, находилась византийская пряжка 2-й пол.VII в. и византийский поясной набор, ставший прототипом аварских и хазарских поясов горизонта Озоры-Вознесенки (Кондаков Н., 1896, табл.XIX, 1-17). Восточноевропейские погребения с геральдикой также никак нельзя опустить до VI в. Если речь действительно идет о проникновении какой-то группы причерноморского населения к аварам, то п.1 Сёгвар-Оромдюлё датирует этот эпизод не ранее 679 г.

К сожалению, без публикации всех погребений могильника Сёгвар-Оромдюлё неясно, есть ли еще погребения с восточноевропейскими вещами или п.1 единственное; неизвестно также, есть ли на могильнике раннеаварские погребения. В последнем случае данная группа населения действительно могла появиться в Венгрии еще вместе с аварами. Г.Лёринци пошел традиционным для венгерской археологии путем отождествления всех неаварских кочевнических элементов с кутригурскими. Но письменные источники VII в. упоминают булгар в аварской среде как компактно проживающее население, причем только на юго-западных и северо-западных границах авар, по соседству с Византией и Баварией. Интересующая же нас группа располагалась к востоку от Тисы в соседстве со славянами, причем, как показывает сам Г.Лёринци, была довольно рассеянной среди аварского населения региона (Lorinczy G., 1992, p.113-120, abb.19). Более корректно в данном случае говорить о наличии в составе авар этого региона какой-то группы неаварского тюркского населения. Им вполне могут оказаться упоминаемые Феофилактом Симокаттой (Кн.VII; VIII, 16, 17) племена тарнаих и котцагиры, присоединившиеся к аварам в 90 гг. VI в.

Впрочем, среди опубликованных на сегодня погребений могильника раннеаварских нет. Если это действительно так, то Сёгвар-Оромдюлё может послужить важным материалом для решения проблемы "миграционной волны 670/680 гг.", о происхождении и этносе которой в венгерской археологии до сих пор нет единой позиции (Балинт Ч., 1995, с.38-53). Новая "волна" привела к появлению у авар стремян с прямой подножкой, удила с "восьмеркообразными" гзылами, сабель с перекрестьями, калачевидных кресал (Балинт Ч., 1995, с.44). Столь резкое изменение форм основных для кочевников железных изделий действительно не могло произойти эволюционно, впрочем,

этот комплекс не обязательно был механически привнесен в Подунавье с новым этносом, поскольку авары могли его просто заимствовать у группы населения, с которой они вступили в контакт лишь около 670/680 гг. Такой группой – носителем указанного комплекса вещей – были кочевники, занимавшие степи от Северного Причерноморья до Заволжья, а начало контактам явно положил эпизод изгнания хазарами болгар Аспаруха за Дунай.

Хазаро-аварские контакты заметно отразились на материальной культуре хазар горизонта Вознесенки, их влияние сохранялось и в раннесалтовский период (Комар А.В., 1999, с.115-128). Обратное влияние выразилось в появлении у авар не только указанных выше типов железных изделий, а также имитаций отдельных типов восточноевропейских геральдических деталей (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.74) и в заимствовании перещепинско-вознесенских орнаментальных мотивов (Werner J., 1986). Механизм этих контактов был не вполне понятен, поскольку, например, у непосредственных соседей авар – дунайских болгар – среднеаварские вещи вообще не известны, а позднеаварские известны, но представлены единичными находками (Werner J., 1986, taf.29, 4, 5; Fiedler U., 1992, abb.45, 1, 2, 5, abb.46, 1-3, taf.35, 6, taf.101, 22). Изучение же возможных путей движения показывает, что именно при попытке хазар проникнуть к аварам в обход болгар через территорию Румынии, они неминуемо попадали в долину р.Темеш, т.е. в зону расселения интересующей нас группы тюркского населения Сёгвар-Оромдюлё, чья родственность рядовому населению перещепинской культуры очень вероятна.

Вернемся к погребальному обряду могильника Сёгвар-Оромдюлё. Состоянием на 1995 г. из 399 раскопанных погребений аварского времени 118 были катакомбными (Lorinczy G., 1995, p.399). Все катакомбы однотипны: состоят из узкого прямоугольного со скругленными углами дромоса и продолжают дальше такой же узкой камерой, рассчитанной на параметры одного человека (рис.2, 3). Дно камеры резко наклонное, но иногда лежит в одной плоскости с дромосом. Человек ориентирован головой ко входу (на северо-восток), в дромосе часто находится целый скелет или шкура коня, ориентированные головой ко входу в камеру (Lorinczy G., 1992, p.103-104, abb.8; Lorinczy G., 1995, p.399-402, abb.1-4). Такие же катакомбы известны и на многих других аварских могильниках восточнее Тисы, но только на трех – западнее (Lorinczy G., 1995, p.401-402, abb.5-7). Отличие катакомб от рассмотренных нами выше хазарских очевидно и в объяснении не нуждается – для нас важно, что эта группа тюрков принесла с собой в Венгрию специфический, не имеющий прямых аналогов, катакомбный обряд из своего прежнего региона проживания.

Пытаясь поместить его в Причерноморье, Г.Лёринци ищет аналогии в раннеаланских катакомбах Поволжья и Северного Кавказа, черняховско-позднескифских земляных склепах (Lorinczy G., 1992, p.104), но это помогает мало. На самом деле единст-

венная близкая аналогия – п.12 к.7 Христофоровки (Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. и др., 1973, табл.XVI, XVII) – уверенно относится к горизонту Боча-Перещепина, т.е. датируется 2-й пол.VII в. Катакомба состоит из узкой подпрямоугольной входной ямы со ступенькой и узкой подовальной камеры, врезанной в северо-восточном углу входной ямы (рис.2, 4). Камера расположена параллельно дромосу, но не продолжает его, как в аварских катакомбах, а немного смещена к северу, сочетая, таким образом, элементы катакомбы и подбоя. Еще одно отличие: скелет уложен головой в противоположную сторону от входа и ориентирован на восток. В этом же кургане открыто и обычное погребение перещепинской культуры (п.7), совершенное в простой узкой яме и ориентированное на СВВ (Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. и др., 1973, табл.XVI, XVII). Совершенно ясно, что аналогии таким катакомбам следует искать гораздо восточнее. На особый успех тут пока рассчитывать трудно. Единичные аналогии общего порядка (например, тюркское погребение к.11 Чонноо на Тянь-Шане или более отдаленное джетыасарское погребение к.224 могильника Алтынасар 4к (Шер А.Я., 1963, с.162; Левина Л.М., 1996, рис.60, 5), в целом, найти можно, но они вряд ли будут доказательными для локализации региона исходного проживания авар.

Материалы Сёгвар-Оромдюлё позволяют лишь утверждать, что в катакомбах, подбоях и простых грунтовых ямах могильника погребались представители одного этноса, родственного рядовому населению перещепинской культуры, у которого, как свидетельствует к.7 Христофоровки, также практиковался похожий катакомбный обряд. В отличие от своих дальних венгерских родственников, хазары задержались на Кавказе и имели возможность использовать для сооружения катакомб навыки опытных в этом деле аланских мастеров. Впрочем, в катакомбах Директорской Горки мы наблюдаем и попытку приспособить аланскую форму катакомбы к требованиям тюркского обряда, следствием чего стало появление каменных оградок над дромосами, ритуальных комплексов в виде обожженной сбруи, погребения коня над катакомбой. В шиловской катакомбе также наблюдаем отход от аланского канона из-за желания положить коня в дромосе, но параллельно погребенным. Именно выделение осмысленных нарушений канона, возможно, в будущем позволит отличать хазарские Т-образные катакомбы от аланских, поскольку в случае отсутствия нарушений все детали погребального обряда (погребальное сооружение, ориентация погребенных, разрушение скелетов, погребение коня в дромосе, жертвенная пища, угольная посыпка дна и т.п.) соответствуют аланским.

Инвентарь

Анализ инвентаря и хронологии шиловских курганов следует начать с четкого определения культурной принадлежности комплексов. По мнению Р.С.Багаутдинова и А.В.Богачева, «шиловские курганы отно-

сятся к одному культурно-хронологическому горизонту с Перещепинским комплексом” (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.152-162). Выделив ряд аналогий инвентарю шиловских курганов в таких комплексах, как Перещепина, Ясиново, Новые Санжары, Портовое, п.5 Директорской Горки (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.152-162), А.В.Богачев действительно наметил основной ареал культурных связей (перещепинская культура), но, увлекшись хронологическими построениями, не заметил грани, за которой хронологические признаки переходят на более высокий уровень – культурный. Наиболее явно это относится к трем “признакам горизонта Перещепина-Шиловка”: костяным накладкам седла, кувшинам с ручкой-петелькой, орнаменту в виде пальметты (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.161). Костяные декорированные обкладки седла, колчана и т.п. – традиция общетюркская и довольно длительная. В Европе они впервые появляются вместе с аварами (Fettich N., 1926, fig.18, 1, 2; Garam E., 1975, fig.24, 7, 20), но аварские пластины отличаются от перещепинских, бруснянских, катандинских и т.п. по форме и декору, как, собственно, последние отличаются и между собой. То же касается и орнамента в виде пальметты, который имеет множество вариаций и, например, в аварской среде представлен только на вещах позднеаварского периода (Врап, Эрзеке и т.п.) (Werner J., 1986). И.О.Гавритухин, несомненно, прав: различия между известными костяными накладками и вариантами пальметты слишком заметны, чтобы они могли использоваться как хронологический индикатор (Гавритухин И.О., 2000, с.31), но они с высокой долей вероятности могут служить для Восточной Европы как этнокультурный показатель тюрко-монгольского населения центральноазиатского происхождения.

Несколько другая ситуация с шиловским кувшином. Да, он напоминает кружку из Перещепины, но попытка И.О.Гавритухина максимально расширить круг аналогий за счет кружек из драгоценных металлов и кувшинов других форм с ручкой-петелькой (Гавритухин И.О., 2000, с.31) малоубедительна. Шиловский сосуд – это сероглиняный кувшин, судя по клейму, сделанный профессиональным гончаром. По технике исполнения кувшин напоминает аланскую керамику, но для алан обычно соединение ручки с шейкой кувшина, в то время как у шиловского сосуда ручка-петелька расположена на тулове. Близкие аналогии форме можно действительно найти у авар, но аварские сосуды выполнены гончарами другой школы: они, преимущественно, желтого или оранжевого обжига, сероглиняные же отличаются по тесту. В обоих случаях местные ремесленники специально на заказ воспроизводили несомненно тюркскую форму сосудов, появившуюся еще до переселения авар в Европу. По форме и технологии изготовления шиловский кувшин имеет две прямые аналогии – кувшины из Ясиново и Канцирки, – совершенно верно указанные А.В.Богачевым (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.161). Конечно же, шиловский кувшин мог быть изготовлен и не в Канцирке (достаточ-

но только в Причерноморье вспомнить центр в Мачехах), но он, несомненно, принадлежит той же этнокультурной группе кочевников, которую обслуживал Канцирский гончарный центр (Ясиново, Келегеи, Вознесенка). Пытаясь отнести шиловский кувшин к хронологическим признакам, А.В.Богачев не учел того обстоятельства, что аланы продолжали обслуживать то же население и в более позднее время. В салтовской культуре не только в большом количестве представлены близкие по схеме кубышки с ручкой-петелькой, но из Верхнего Салтова происходит и находка близкого ясиновскому кувшина (Parhomenko O.V., 1990, taf.8; 5, taf.9, 3, 5), также следует отметить кувшин из раннесалтовского п.1 к.9 Ханата (Круглов Е.В., 1990, рис.3, 19). Поэтому можно лишь утверждать, что аналогичные кувшины встречаются в двух культурах (перещепинской и салтовской), отражающих два разных хронологических этапа развития материальной культуры населения Хазарского каганата.

Крайне интересны костяные обкладки лука из к.1 Шиловки, которые, к сожалению, сохранились плохо. Практически невозможно судить о форме боковых концевых накладок, зато сохранилась боковая центральная, а также все фронтальные (рис.3, 2). Концевые фронтальные накладки обычны для раннесалтовских луков и луков подкурганых погребений перещепинской культуры, например, аналогичные были в к.5 Виноградного (рис.3, 1). Небольшая призматическая центральная фронтальная накладка шиловского лука (рис.3, 2) наоборот в погребениях с геральдическими поясами не встречена, зато близкая присутствует на раннесалтовском луке из п.1 к.2 Обозного (рис.3, 3). Отличается и форма центральной боковой накладки, которая, в отличие от трапециевидных перещепинских, имеет характерную раннесалтовскую форму ивового листа (рис.3, 2). Нечто промежуточное представляет собой накладка лука из п.1 к.2 Бруснянского IV могильника: накладка пропорционально уже перещепинских и не трапециевидная, а скорее сегментовидная, поскольку один край ровный, а другой скруглен (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл.LXXI, 5). Явно переходная также накладка из п.5 к.13 Новинковского II могильника (Матвеева Г.И., 1997, рис.64, 3). Шиловский лук по сохранившимся фрагментам более близок раннесалтовским, хотя судить об этом уверенно нельзя из-за невозможности определить форму концевых боковых накладок, которая у перещепинских и раннесалтовских луков заметно отличалась.

По мнению А.М.Савина и А.И.Семенова, отличия между перещепинскими и раннесалтовскими луками (луками “гуннского” и “хазарского” типов) настолько велики, что даже не может быть и речи о генетической связи использовавших их двух групп населения, и поэтому их вполне можно использовать как этнический индикатор для различения булгарских и хазарских погребений (Савин А.М., Семенов А.И., 1995; 1998). Только для новинковских комплексов исследователи признают, что луки из них сочетают в себе одновременно признаки и “гуннского”, и “хазарского”

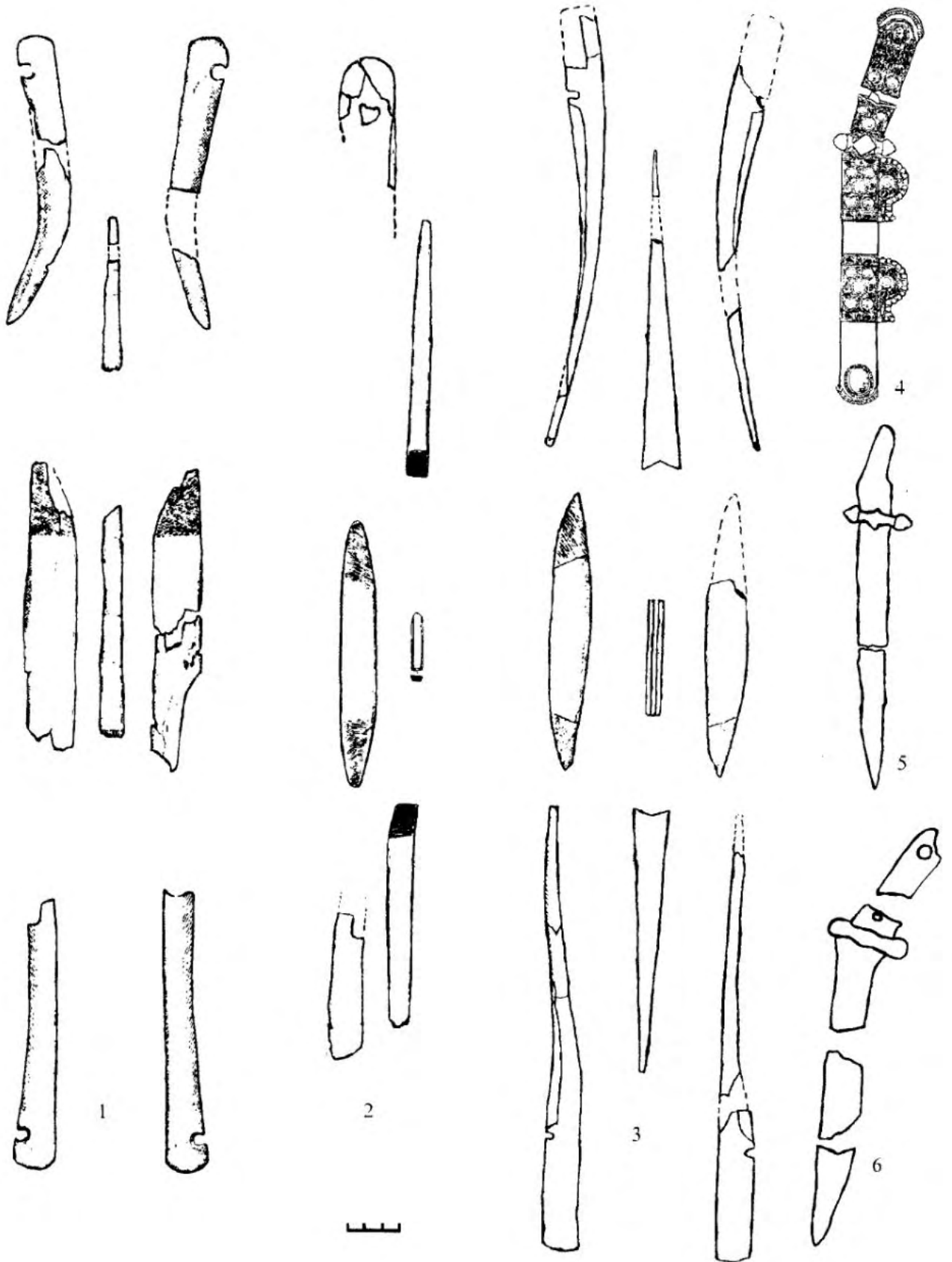

Рис. 3. Костяные детали сложносоставных луков и боевые ножи. 1 – Виноградное, к.5; 2, 6 – Шиловка, к.1; 3 – Обозное, к.2, п.1; 4 – Глодосы; 5 – Борисово, п.138.

Fig. 3. Bone details of composite bows and battle knives. 1 – Vynogradnoje, barrow 5; 2, 6 – Shylovka, barrow 1; 3 – Oboznoje, barrow 2, int. 1; 4 – Glodosy; 5 – Borisovo, int 138.

Abb. 3. Knochenteile der zusammengesetzten Bögen und Kampfmesser. 1 – Vinogradnoje, Kurgan 5; 2, 6 – Šylovka, Kurgan 1; 3 – Oboznoje, Kurgan 2, Grab 1; 4 – Glodosy; 5 – Borisovo, Grab 138.

Dess. 3. Organes en os des arcs à tir complexes et couteaux de bataille. 1 – Vynogradnoje, tumulus 5; 2, 6 – Shilovka, tumulus 1; 3 – Oboznoje, tumulus 2, tombe 1; 4 – Glodosy; 5 – Borisovo, tombe 138

луков (Савин А.М., Семенов А.И., 1995, с.76), не объясняя, правда, причины этого явления. Между тем, трудно не обратить внимание на тот факт, что все “промежуточные” формы происходят из новинковских погребений нач. VIII в., в то время, как единственный “хазарский” лук из новинковского к.7 Осиновки III относится уже к раннесалтовскому времени. Если это не эволюция, то что? Оспаривать центральноазиатские аналогии луку “хазарского” типа смысла нет, но А.М.Савин и А.И.Семенов, на наш взгляд, все же недооценивают степень их близости к аварским лукам и возможность видоизменения лука “гуннского” типа под аварским влиянием. Если же “хазарский” лук действительно был принесен в Европу новой группой азиатского населения, то приходится констатировать, что первые признаки ее появления наблюдаем уже в к.1 Шиловки.

Аналогии одновременно в перещепинских и салтовских комплексах находит и боевой коленчатый нож из п.2 к.1 Шиловки (рис.3, 6). С.Э.Зубов при его анализе ограничился только названием “кинжал уйбатского типа” и ссылкой на мнение А.В.Крыганова, что кинжалы вообще не были свойственны средневековым кочевникам (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.113). Между тем, данный тип ножей для Европы очень показателен, особенно в этнокультурном плане. Поскольку заточка клинка односторонняя, терминологически речь идет именно о ноже, а не о кинжале (Крыганов А.В., 1998, с.149-150; Мотов Ю.А., 1998, с.126-129), но скепсис А.В. Крыганова и Ю.А.Мотова относительно их боевого предназначения мы не разделяем. Полифункциональность любого боевого ножа несомненна, но все же коленчатый нож специально предназначался для вспарывания живота противника во время пешего боя. В недавней дискуссии о роли последнего у тюрков (Кызласов И.Л., 1996, с.75; Худяков Ю.С., 2000, с.101-105) более предпочтительной нам кажется позиция Ю.С.Худякова: пехота как отдельный род войск у тюркютов вряд ли существовала, а вот умение кочевников спешиваться и вести бой в пешем строю действительно неоспоримо.

Коленчатые ножи широко представлены на изображениях Средней Азии и тюркских скульптурах (Евтюхова Л.А., 1952, рис.12; Кубарев В.Д., 1984, табл. XXI, 133; XXVI, 158; XXXIII, 199; XXXVI, 214; XXXVII, 218; XLII, 233), но, как ни странно, в тюркских погребениях они крайне редки. Археологические находки на востоке известны, но в кремациях хакасской культуры чаатас, где они, по мнению Л.Р.Кызласова, происходят от коленчатых таштыкских ножей

(Кызласов Л.Р., 1981, с.48, рис.28, 27, 28). Похожая ситуация наблюдается и в Восточной Европе: ножи из Глодос и п.138 Борисово (рис.3, 4, 5) найдены в кремациях, а ножи из Вознесенки и Тополь – в обожженных поминальных комплексах. Единственное исключение – коленчатый нож из п.3 Директорской Горки, но, как уже указывалось выше, катакомбы Директорской Горки, несомненно, связаны с тем же населением, которое построило каменные куруки из Мокрой Балки и Вознесенки. Находка коленчатого ножа в шиловской катакомбе внутри четырехугольного деревянного сооружения не только не нарушает закономерность, но даже наоборот – подтверждает правомерность использования коленчатых ножей как этнокультурный индикатор. Перекрестье шиловского ножа немного отличается от глодосского, вознесенского и борисовского тем, что выступы по центру и на концах не ромбовидные, а подовальные. Похожее перекрестье находим на раннесалтовском мече из п.11 Казазово (Тарабанов В.А., 1983, рис.1, 2), но эти отличия не обязательно хронологические, поскольку такие же известны и на тюркских скульптурах (Могильников В.А., 1981, рис.22, 1, 8), плюс на всех других раннесалтовских клинках перекрестье, как и у ножа из Тополь, прямое, т.е. казозовское перекрестье – не более, чем архаизм.

Какое-то прямое перекрестье было и у сабли из п.2 к.2 Шиловки (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.113, рис.23, 3). По С.Э.Зубову, изгиб полосы достигает 20 мм, что несколько сомнительно для столь раннего экземпляра. К сожалению, у нас не было возможности провести замеры клинка, но при его осмотре столь заметной кривизны лезвия не наблюдалось. Клинок очень корродирован: скорее всего, именно коррозия и стала причиной такого большого перепада при измерениях. Сама кривизна полосы не удивительна, учитывая изображение на костяной пластине из к.17 (рис.4, 9) и кривой нож из к.26 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.23; 26, 12), а также аварские находки из Озоры-Тотипусты (Garam E., 1993, taf.76, 8) и п.64 Дизэнсдиаса (Muller R., 1996, kat.5.469), но такой большой ее цифровой показатель сомнителен. Данные о кривизне клинка нуждаются в дополнительной проверке, поскольку, похоже, мы имеем дело с наиболее ранней археологической находкой сабли в Восточной Европе.

Чир-юртский круг аналогий продолжают костяные пластины из п.2 к.1 Шиловки (рис.4, 2, 4, 5). Изображения обкладок из к.17 Чир-Юрта (рис.4, 8, 9), несомненно, отличаются от шиловских, но на них повторяются

два сюжета: лучник, стреляющий из сидячего положения в хищного зверя во время охоты и всадник в боевом порядке на скачущем коне (именно в боевом, поскольку на аналогичном изображении всадника-охотника на луке седла из могилы 9 Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XVI, 1) сабли, кинжала или какого-либо другого оружия, кроме лука, нет); конь, по характерной тюркской традиции, вытянут так, что передние и задние ноги параллельны земле. С.А.Плетнева справедливо указала на необходимость использования для сравнения еще одного хазарского изделия с изображениями – ковша из Коцкого городка (Плетнева С.А., 1999, с.203), отнесенного к кругу хазарской торевтики В.П.Даркевичем (Даркевич В.П., 1976, с.167-170). На ковше представлены два сюжета шиловских пластин: оседланные лошади без всадника и лучник, стреляющий, присев на колени (рис.4, 6, 7). Хвосты лошадей всех трех изображений завязаны в узел (рис.4, 4, 6, 9). Это – специфическая этнографическая деталь, поскольку, например, на изображении тюркских лошадей луки седла из могилы 9 Кудыргэ хвосты лошадей распущены (рис.4, 1). Зато также завязаны в узлы хвосты лошадей хакасских лучников на бляшках из Копенского чаатаса (Киселев С.В., 1949, табл. LVII, 1-4).

О степени родства хазар с хакасами пока судить сложно, но все же уже отмеченные нами параллели в погребальном обряде и ремесленных традициях (Комар О.В., 2000, с.133-134) дополняются отличием рунических алфавитов Хазарского каганата от орхонского и енисейского и их близостью к южноенисейской письменности, практиковавшейся хакасами и частью населения Тувы (Кызласов И.Л., 1994, с.13-73). Эти факты позволяют предполагать, что хазары представляли собой отдельный этнос, родственный одновременно и тюркютам, и хакасам, но, подобно племенам чуйской группы (дулу и нушиби), еще в сер. VI в. влились в племенную структуру собственно тюркютов, вследствие чего хазары и считались китайскими хронистами “тукюзским поколением (племенем)” (Бичурия Н.Я., 1950, с.315, 326, 329).

Антропологический тип изображенных на ковше из Коцкого Городка людей европеоидный, хотя изображение на чир-юртовской пластине, в случае сохранения части лица, скорее, принадлежало бы к монголоидному типу. Это напоминает слова ал-Истахри: “Хазары не походят на тюрков – они черноволосы, разделяются на два разряда, один называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдает в чернь, они словно какой-либо разряд из Индии. Другой разряд – белые, красивые и совершенные по внешнему виду”. Похожие сведения повторяют и другие арабские источники, разделяя хазар на “смуглых” и “белых”, что позволило Б.Н.Заходеру предположить существование у хазар двух антропологических типов населения (Заходер Б.Н., 1962, с.139). М.И.Артамонов, несомненно, прав, относя возникновение версии о “черноте” части хазар к переводу тюркского социального термина кара-хазар – “черные хазары” (от тюркского “кара-будун” – “черный народ”) (Артамонов М.И., 1962, с.100).

Несколько новых лингвистических версий были предложены О.Б.Бубенком (Бубенок О., 1997), но и они не меняют сути проблемы – во времена ал-Истахри арабы слишком хорошо знали хазар, чтобы выдумывать несуществующие расовые различия, а в тексте уверенно говорится именно о них. Скорее всего, у хазар действительно сосуществовали два расовых типа – европеоидный и монголоидный, но часто соотносимый с представителями последнего социальный термин “кара-будун” был просто неверно истолкован арабами. Именно механическое смешение европеоидного и монголоидного населения и фиксируется в краниологических сериях из могильников новинковского типа (Газимзянов И.Р., 1995, с.95-109).

Антропология из курганов раннесалтовского типа пока не исследована, мало данных и об антропологическом типе перещепинского населения. Среди последнего известен брахикранный с деформированием черепа тип с явными монголоидными признаками (Чир-Юрт, Иловатка, Бородаевка) (Кондукторова Т.С., 1967, с.119-122; Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960, с.292; Сеницын И.В., 1947, с.131), представлен также европеоидный с монголоидной примесью без деформации (Ковалевка) (Круц С.И., 1978, с.168-169) и брахикранный европеоидный (“зливкинский”) (Уч-Тепе) (Гинзбург В.В., 1965, с.192-193). Налицо явная антропологическая неоднородность данного населения. Причем, что интересно, по сравнению с 20 гг. VII в., в IX-X вв. письменные источники указывают на заметную “европеизацию” антропологического типа хазар, которую, учитывая явные средне- и центральноазиатские истоки “зливкинского” типа (Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С., 1995, 569-570, рис.3), нужно связывать не с гипотетическим смешением хазар с местным населением, а с новым притоком к хазарам тюрков после разгрома Западнотюркского каганата в 50 гг. VII в.

Пластинчатые панцири и кольчуги воинов на шиловских обкладках (рис.4, 4, 5) вряд ли срисованы со стен Пенджикента или с персидских воинов, как предполагает Р.С.Багаутдинов (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.108-109), поскольку они находят археологические соответствия в комплексах перещепинской и салтовской культур. В Келегеях, Вознесенке, Новых Санжарах, пп.2, 3 Директорской Горки, Чир-Юрте, к.29/1985 Клинь-Яра III, “Царском кургане” обнаружены обрывки кольчуги, очевидно, символизировавшие целую. В к.5 Чир-Юрта кольчуга сочеталась с остатками наборного пластинчатого доспеха, который представлен и в других погребениях Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.22, 17-30). Археологические находки полной кольчуги и остроконечных, склепанных из нескольких пластин, шлемов с бармицей происходят из раннесалтовских комплексов: подкурганного погребения в Столбище, п.134 Борисово и п.106 Казазово (Афанасьев Г.Е., 1987, с.199-200, рис.3; Саханев В., 1914, с.144; Тарабанов В.А., 1983, с.151); но, похоже, полный комплекс защитного вооружения был реализован уже в шиловское время.

Отдельно следует сказать об изображениях драконов на шиловской пластине (рис.4, 2). Р.С.Багаут-

Рис. 4. Образцы изобразительного искусства хазар и восточных тюрков. 1 – Кудыргэ, м.9; 2, 4, 5 – Шиловка, к.1; 3 – Бугут; 6, 7 – Коцкий Городок; 8, 9 – Чир-Юрт, к.17 (масштаб разный).

Fig. 4. Pieces of fine arts of the Khazars and the Eastern Turks. 1 – Kudyrgé, int. 9; 2, 4, 5 – Shylovka, barrow 1; 3 – Bugut; 6, 7 – Kotskij Gorodok; 8, 9 – Chir-Jurt, barrow 17 (scale is varying).

Abb. 4. Muster der darstellenden Kunst der Chasaren und der östlichen Türken. 1 – Kudyrgé, Grab 9; 2, 4, 5 – Šylovka, Kurgan 1; 3 – Bugut; 6, 7 – Kockij Gorodok; 8, 9 – Čir-Jurt, Kurgan 17 (der Maßstab ist unterschiedlich).

Dess. 4. Exemples de l'art pictural des Khazars et des Turcs de l'Est. 1 – Kudyrgue, tombe 9; 2, 4, 5 – Shilovka, tumulus 1; 3 – Bugut; 6, 7 – Kotskij Gorodok; 8, 9 – Chir-Jurt, tumulus 17 (l'échelle différente)

динов верно отметил отличия иконографии шилловских драконов от китайских (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.107: Действительно, в данном случае дракон выступает в своей ранней полузмеиной ипостаси, соответствовавшей мировоззрению тюркютов. Изображение дракона на обкладке луки седла обнаружено в Бугутском куруке, сооруженном в 582 г. для Таспар-кагана (рис.4, 3). Обкладка железная, изображение выполнено в технике золотой насечки и заметно отличается от шилловского, но мы должны учитывать значительную хронологическую дистанцию, за время которой образ дракона в тюркютском искусстве не оставался неизменным, а эволюционировал. Обязательной принадлежностью тюркютских каганских куруков является стела с драконовым навершием, стоящая на черепахе. Эта композиция символизировала мировую модель, в которой Небу-Дракону противопоставлялась Земля-Черепаха (Войтов В.Е., 1996, с.101-103). На шилловской пластине черепахи нет, а под двумя противостоящими драконами изображены два зайца. Что этим хотел сказать художник, точно не ясно. Дело в том, что дракон у тюркютов был символом верховной власти, а изображения дракона с черепахой полагались только курукам каганов. Бугутская обкладка седла с драконом также найдена в каганском куруке. Шилловская пластина происходит из погребения явно более низкого ранга, поэтому не исключено, что сочетание дракона с зайцем разрешалось использовать кому-то из бегов, тарханов или просто родственников каганской семьи. В изображении на луке седла из могилы 9 Кудыргэ (рис.4, 1) (Гаврилова А.А., 1965, табл.XVI, 1) художник использовал похожую композицию. В центре изображены два противостоящих тигра – подчеркнуто сильнейшие персонажи сюжета, над которыми расположены изображения зайца и лисы – наоборот, персонажей наиболее слабых. Направленность такой композиции несомненна, хотя гадать о ее точном значении можно долго. Тигр уступает по рангу дракону, поэтому шилловские пластины явно более престижны; социальная разница между погребениями заметна и в оформлении погребального сооружения. Учитывая связь изображения дракона с высшей (каганской) властью, шилловские обкладки седла – не просто украшение или оберег – это, несомненно, тюркютский отличительный знак, свидетельствующий о высоком ранге его владельца.

О том же говорят золотые монеты из комплекса. Речь, собственно, идет о византийском солиде и о неопределенном подражании солиду. Подражание одностороннее, выполнено схематично, поскольку мастер сам пытался сымитировать изображение аверса (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл.XIII, 10). Более качественные подражания солидам, выполненные путем отливки с оригинала, известны в Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.124, рис.1) и в погребении из Днепропетровской области (Голенко К.В., 1956). Три подражания найдены и в погребениях Чир-Юртского могильника (Магомедов М.Г., 1983, рис.28). Шилловский солид Ираклия и Ираклия/Константина (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998,

табл.XIII, 9) чеканен в период 629-632 гг. Учитывая небольшую потерю веса вследствие просверливания отверстия, изначально солид был полновесным. Сольды данного выпуска в кочевнических комплексах крайне редки и представлены, кроме Шиловки, только в Перещепине (Сокровища хана Кубрата, 1997, каталог монет, № 6, 7). Их сочетание в Перещепине с тяжелыми подарочными медальонами того же выпуска, позволило И.В.Соколовой заключить, что данная группа солидов поступила к кочевникам одновременно, в период 629-632 гг., поскольку послать медальоны могли лишь выпустившие их правители (Сокровища хана Кубрата, 1997, с.18-24). Письменные источники упоминают только одно событие, позволяющее объяснить происхождение медальонов, – это эпизод брака 630 г. дочери Ираклия Евдокии и джебгу хазар, не состоявшегося по причине гибели последнего (Чичуров И.С., 1980, с.161). В этом контексте шилловский солид приобретает особое значение, поскольку демонстрирует определенную связь предков его владельца с джебгу хазар или его сыном шадом, очевидно, и ставшим после внезапной гибели отца и дяди первым каганом хазар.

От вещей, несущих информацию об этнокультурной принадлежности погребенных, мы перешли к предметам, одновременно являющимися хронологическими индикаторами. Критикуя датировки шилловских курганов А.В.Богачева, И.О.Гавритухин отбросил возможность их синхронизации с горизонтом Перещепины и отнес указанные комплексы к горизонту Вознесенки (Гавритухин И.О., 2000, с.29). Также, скорее всего, к горизонту Вознесенки принадлежит и погребение из Портового. При этом к горизонту Перещепины исследователь ошибочно отнес комплекс из Новых Санжар. В комплексации горизонта "Перещепина-Шиловка" А.В.Богачева присутствуют комплексы Ясиново, Новые Санжары, Портовое, п.5 Директорской Горки, все принадлежащие к горизонту Вознесенки (Комар А.В., 1999, с.117-120). Лишней оказывается лишь Перещепина, но А.В.Богачевым действительно учтены из комплекса только те признаки, которые находят продолжение дальше в горизонте Вознесенки. Упуская из вида сам Вознесенский комплекс, А.В.Богачев фактически интуитивно пытался нащупать его горизонт, промежуточный между "зиновьевским" и "бруснянским" этапами и рассматриваемый исследователем как "переходной". Замечание И.О.Гавритухина совершенно справедливо: шилловские комплексы не "переходные", а просто инокультурные для Среднего Поволжья (Гавритухин И.О., 2000, с.30-31). Рассмотренные выше особенности погребального обряда и инвентаря уверенно относят их к перещепинскому культурному кругу, в рамках которого оба шилловских кургана занимают хронологическую позицию в горизонте Вознесенки. На этом этапе в материальную культуру степного и кавказского восточноевропейского населения широко проникают византийские и аварские формы вещей.

Византийская пряжка из к.1 Шиловки (рис.5, 1) ближайšie аналогии находит в аварском п.34 Сегед-

Фехерто (Чаллань Д., 1954, табл. VII, 1), а также в крымском п.10 Бал-Готы (Репников Н.И., 1906, рис.17) и в склепе 257 Эски-Кермена (рис.5, 2). В п.5 последнего находилась пряжка, аналогичная по форме деталей, но уже с декорированным щитком (рис.5, 3); более крупная пряжка из к.14 могильника Подгорненский IV (рис.5, 4) уже относится к горизонту Галиат-Геленовка. Близкая шиловской пряжка находилась и в составе характерного среднеаварского поясного набора из частной коллекции, уже упоминавшегося нами (Комар А.В., 1999, с.118). Пряжка из п.5 Директорской Горки (рис.5, 5) также синхронна шиловской, но, при общей схожести конструкции, относится к другому типу. Другая поясная пряжка из к.1 Шиловки (рис.5, 9) относится к среднеаварским типам – по форме рамки и язычка к ней ближе всего пряжки из п.2 Кунбабоня (рис.5, 10) и Тотипусты (рис.5, 8), а вот двусоставному щитку точные аналогии нам неизвестны. У авар пряжки с “вытянутыми губами” не выходят за рамки среднеаварского периода, в салтовских же комплексах в немного другой модификации (рис.5, 7) они бытуют и всю 2-ю четв. VIII в. (Комар А.В., 1999, с.118); по форме рамки и язычка шиловской пряжке также близка раннесалтовская пряжка типа “Тепсень” из п.2 к.2 могильника Саловский IV (рис.5, 6). Пряжка с хрустальной вставкой на щитке и комплектный к ней наконечник (рис.5, 11, 12) по технике инкрустации близки перещепинским изделиям, но по форме и конструкции пряжка относится к характерному восточнотюркскому типу, широко распространенному в VIII – 1-й пол. IX в. В салтовских комплексах пряжки такой конструкции появляются во 2-й пол. VIII в., но они уже другие. Особенности шиловской пряжки: сегментовидная рамка, плоский пластинчатый язычок, отсутствие заметного утолщения в месте соединения рамки и щитка, – действительно для Восточной Европы могут свидетельствовать о ее более ранней дате, но вне контекста комплекса она определяется только в рамках 1-й пол. VIII в.

Бляшки из к.1 Шиловки представлены тремя типами: гладкой полусферической бляшкой, двумя плоскими круглыми железными бляшками, обтянутыми золотой фольгой, и бляшкой сердцевидной формы с прямоугольным выступом (рис.5, 22, 14, 21). Полусферические бляшки из Перещепины, Келегеев и Вознесенки декорированы и сложнее по форме, простые же представлены только в Глудосах (рис.5, 23) и в целом ряде среднеаварских комплексов. Бляшки с выступом, преимущественно, круглой формы и богато декорированы (рис.5, 17-19); сердцевидные же с выступом бляшки есть в Вознесенке, но они также декорированы (рис.5, 20). Разнообразные плоские круглые декорированные бляшки многочисленны в Вознесенке и Глудосах, но внутри для предотвращения деформации они, как и бляшки из п.2 к.2 Шиловки, обычно заполнены пастой. Круглые золотые штампованные бляшки с рельефным углублением, заполненные внутри пастой, найдены в п.1 к.2 Березовского могильника (Скарбовенко В.А., Стащенко Д.А., 2000, рис.5, 2-4). Им близки бляшки из п.2 к.2 Шилов-

ки (рис.5, 13), п.1 к.13 Дорофеевского могильника (Шилов В.П., Лагоцкий К.С., 1976, рис.118, 119) и могилы 11 Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XIX, 8), а также аварские из пп.1 и 5 Кишкорош-Вагохид и Озо-ры (Laszlo G., 1955, pl.I, 6-8, IV, 7, 8, LXI, 5-10). Аналогичные по форме бляшки из Вознесенки выполнены немного в другой манере: рельефная бронзовая основа обтянута золотой или серебряной фольгой. Бляшки из к.1 Шиловки (рис.5, 14) попроще, золотой фольгой обтянут плоский железный диск.

Две серьги с аметистами из к.1 Шиловки (рис.5, 50) ближайšie аналогии находят в комплексе из Ясиново (рис.5, 49) и не выходят за рамки горизонта Вознесенки; серьга из Перещепины (рис.5, 48), несмотря на некоторую конструктивную схожесть, более ранняя. Третья серьга (рис.5, 56) близка, в общих чертах, серьге из Келегеев (рис.5, 55) и ей подобным более поздним (рис.5, 57). Она имеет подвижную нижнюю подвеску и шип сверху, на которых находились жемчужные бусины (на подвеске практически никогда не сохраняются). Все находки серег такой конструкции в новинковских комплексах (рис.5, 58-61) (Магвеева Г.И., 1997, рис.124, 9, 10, 15, 17), к сожалению, не сопровождались хронологически выразительным материалом. В склепе 309 Скалистого они находились вместе с крымскими вариациями салтовских серег 2-й пол. VIII – IX вв. (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.44, 18, 22-24), в склепе 478 – вместе с рифленным салтовским бубенчиком, появляющимся не ранее сер. VIII в. (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.87, 18, 27), в склепе 772 – с пряжкой “Коринф” 2-й пол. VIII – IX в. (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.122, 1, 5). Пожалуй, ясно, что речь все-таки идет о VIII в., причем, поскольку погребения склепов разновременны, 1-я пол. VIII в. для интересующих нас серег никак не исключается. Из деталей оформления шиловской серьги следует отметить пронижку из кружка зерни, две такие же украсили серьгу из Новых Санжар (рис.5, 52), что, учитывая другие вещи из шиловской катакомбы, делает принадлежность и этой серьги к горизонту Вознесенки закономерной.

Нижняя абсолютная граница появления погребений горизонта Вознесенки определяется по византийским монетам из кургана у ст. Романовской (солид Константина IV 681-685 гг. и солид Леонтия II 695-698 гг.) (Семенов А.И., 1985, с.91-92). Еще одну, немного гипотетическую, дату дает сама Вознесенка. Как уже неоднократно отмечалось (Амброз А.К., 1982, с.212-214; Семенов А.И., 1988, с.101; Комар О.В., 2000, с.131), по типу сооружений и трудовозатратам Вознесенка соответствует восточнотюркским каганским курукам. Благодаря истории с Юстинианом II нам известно, что в период 695-707 гг. правил хазарский каган, имя которого дошло до нас только в искаженной форме $\text{I}\beta\text{o}\dot{\iota}\zeta\eta\rho\sigma\ \text{G}\lambda\alpha\beta\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ (Чичуров И.С., 1980, с.125) (скорее всего, $\text{I}\beta\text{u}\dot{\iota}\epsilon\text{i}\rho\ \text{e}\lambda\text{i}\gamma\ \text{q}\alpha\lambda$). Умер он не ранее 708 г., и именно этот рубеж следует признать нижним для даты Вознесенки, если действительно считать ее каганским куруком. Попытка же опустить дату ниже 695 г. будет малоубедительной: такие куруки не строились на

только что захваченной неосвоенной территории; наоборот, она должна была относиться к священному каганскому домену (возможно, поэтому нам пока и неизвестен курук "перещепинского" кагана). Не может не обратить на себя внимание и сходство каменного курука из Мокрой Балки с внутренним храмом-барк курука Кюль-тегина (рис. 1, 3), построенном только в 732-733 гг. Учитывая существование переходного к раннесалтовскому горизонта Галиат-Геленовка, нами была предложена общая дата горизонта Вознесенки в рамках 705-725 гг. (Комар А.В., 1999, с.131-132). Именно в этих границах уверенно занимают позиции комплексы к.1 и п.2 к.2 Шиловки.

Появление нового населения в Среднем Поволжье было резким, и никакой эволюции "зиновьевских" поясов в "шиловские" не прослеживается. Новые формы, орнаментация и техника исполнения поясных деталей горизонта Вознесенки стали следствием контакта и слияния византийских, хазарских и аварских традиций во время пребывания хазар на территории

Северного Причерноморья. Новый стиль сначала появляется в богатейших комплексах горизонта Перещепины – Перещепине и Келегеях, проникая в материальную культуру других слоев населения немного позже.

В перещепинской культуре геральдические поясные наборы доживают у рядового населения до горизонта Вознесенки (Комар А.В., 1999, с.120), поэтому факт полного отсутствия таких наборов в комплексах "новинковского" типа свидетельствует о появлении данного населения на Волге не ранее горизонта Вознесенки. А.В.Богачев относит к геральдическим вещи из п.1 к.7 Новинковского могильника, п.2 к.1 II Бруснянского могильника и п.1 к.2 IV Бруснянского могильника (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.151-153). С этим согласиться трудно. Штампованные бляшки-розетки из п.1 к.2 Бруснянского IV могильника (рис.5, 44) – имитация характерных бляшек горизонта Вознесенки (рис.5, 45-47). Сердцевидные и круглые штампованные

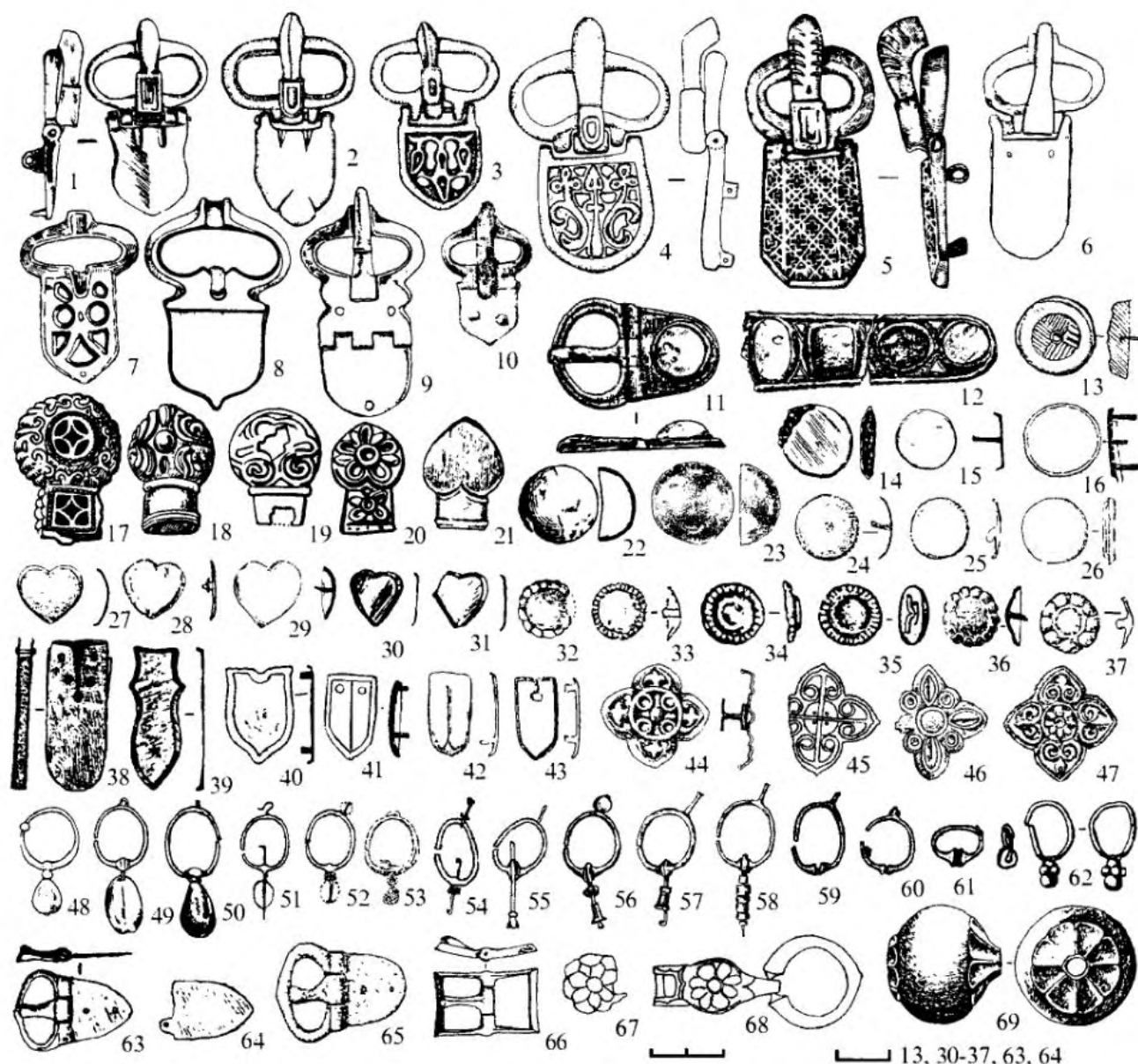

Рис. 5. Металлические украшения и детали ремней. 1, 9, 11, 12, 14, 21, 22, 50, 56 – Шиловка, к.1; 2, 3 – Эски-Кермен, с.257; 4 – Подгорненский IV, к.14, п.1; 5, 45, 54 – Директорская Горка, п.5; 6 – Саловский IV, к.2, п.2; 7 – Дмитровка, п.79; 8 – Озора; 10 – Кунбабонь, п.2; 13 – Шиловка, к.2, п.2; 15, 27, 44 – Брусяны IV, к.2, п.1; 16, 32, 36, 41 – Кудыргэ (16, 36 – м.9; 32 – м.11; 41 – м.10); 17, 48 – Перещепина; 18, 20, 47 – Вознесенка; 19, 23, 53 – Глodosы; 24, 25, 28, 33, 37, 42, 43 – Быково II, к.3, п.5; 26 – Заплавка; 29 – Самарканд; 30, 31, 57, 58, 62 – Брусяны II (30, 31, 62 – к.2, п.1; 57 – к.21, п.2; 58 – к.12, п.2); 34, 35 – Рождественский III, к.6, п.8; 38, 39 – Новинки II (38 – к.24; 39 – к.7, п.1); 40 – Чир-Юрт, к.37; 46 – Мокрая Балка; 49 – Ясиново; 51, 52 – Новые Санжары; 55 – Кеlegeи; 59, 60 – Новинки II, к.14, п.15; 61 – Новинки I, к.9 п.6; 63, 64, 66, 69 – Брусяны III, к.1; 65 – Тeпсeнь, п.11; 67, 68 – Сухая Гомольша (67 – п. 143, 68 – п.54).

Fig. 5. Metal ornaments and details of belts. 1, 9, 11, 12, 14, 21, 22, 50, 56 – Shylovka, barrow 1; 2, 3 – Eski-Kermen, int. 257; 4 – Podgorodnenskij IV, barrow 14, int. 1; 5, 45, 54 – Direktorskaya Gorka, int. 5; 6 – Salovskij IV, barrow 2, int. 2; 7 – Dmitrovka, int. 79; 8 – Ozora; 10 – Kunbabony int. 2; 13 – Shylovka, barrow 2, int. 2; 15, 27, 44 – Brusjany IV, barrow 2, int. 1; 16, 32, 36, 41 – Kudyrgе (16, 36 – int. 9; 32 – int. 11; 41 – int. 10); 17, 48 – Pereschepina; 18, 20, 47 – Voznesenka; 19, 23, 53 – Glodosy; 24, 25, 28, 33, 37, 42, 43 – Bykovo II, barrow 3, int. 5; 26 – Zaplavka; 29 – Samarkand; 30, 31, 57, 58, 62 – Brusjany II (30, 31, 62 – barrow 2, int. 1; 57 – barrow 21, int. 2; 58 – barrow 12, int. 2); 34, 35 – Rozhdestvenskij III, barrow 6, int. 8; 38, 39 – Novinki II (38 – barrow 24; 39 – barrow 7, int. 1); 40 – Chir-Jurt, barrow 37; 46 – Mokrajа Balka; 49 – Jasinovo; 51, 52 – Novyje Sandjary; 55 – Kelegeji; 59, 60 – Novinki II, barrow 14, int. 15; 61 – Novinki I, barrow 9, int. 6; 63, 64, 66, 69 – Brusjany III, barrow 1; 65 – Tepsen, int. 11; 67, 68 – Sukhaja Gomoljšha (67 – int. 143, 68 – int. 54).

Abb. 5. Metallschmucksachen und Riementeile. 1, 9, 11, 12, 14, 21, 22, 50, 56 – Šylovka, Kurgan 1; 2, 3 – Eski-Kermen, Grab 257; 4 – Podgornenskij IV, Kurgan 14, Grab 1; 5, 45, 54 – Direktorskaja Gorka, Grab 5; 6 – Salovskij IV, Kurgan 2, Grab 2; 7 – Dmitrovka, Grab 79; 8 – Ozora; 10 – Kunbabon', Grab 2; 13 – Šylovka, Kurgan 2, Grab 215, 27, 44 – Brusjany IV, Kurgan 2, Grab 1; 16, 32, 36, 41 – Kudyrgе (16, 36 – Grab 9; 32 – Grab 11; 41 – Grab 10); 17, 48 – Pereščepina; 18, 20, 47 – Voznesenka; 19, 23, 53 – Glodosy; 24, 25, 28, 33, 37, 42, 43 – Bykovo II, Kurgan 3, Grab 5; 26 – Zaplavka; 29 – Samarkand; 30, 31, 57, 58, 62 – Brusjany II (30, 31, 62 – Kurgan 2, Grab 1; 57 – Kurgan 21, Grab 2; 58 – Kurgan 12, Grab 2); 34, 35 – Roždestvenskij III, Kurgan 6, Grab 8; 38, 39 – Novinki II (38 – Kurgan 24; 39 – Kurgan 7, Grab 1); 40 – Čir-Jurt, Kurgan 37; 46 – Mokrajа Balka; 49 – Jasinovo; 51, 52 – Novyje Sandžary; 55 – Kelegeji; 59, 60 – Novinki II, Kurgan 14, Grab 15; 61 – Novinki I, Kurgan 9, Grab 6; 63, 64, 66, 69 – Brusjany III, Kurgan 1; 65 – Tepsen', Grab 11; 67, 68 – Suhaja Gomol'ša (67 – Grab 143, 68 – Grab 54).

Dess. 5. Parures en métal et détails de ceintures. 1, 9, 11, 12, 14, 21, 22, 50, 56 – Shilovka, tumulus 1; 2, 3 – Eski-Kermen, tombe 257; 4 – Podgornenskij IV, tumulus 14, tombe 1; 5, 45, 54 – Direktorskaja Gorka, tombe 5; 6 – Salovskij IV, tumulus 2, tombe 2; 7 – Dmitrovka, tombe 79; 8 – Ozora; 10 – Kunbabony tombe 2; 13 – Shilovka, tumulus 2, tombe 2; 15, 27, 44 – Brusjany IV, tumulus 2, tombe 1; 16, 32, 36, 41 – Kudyrgе (16, 36 – tombe 9; 32 – tombe 11; 41 – tombe 10); 17, 48 – Pereščepina; 18, 20, 47 – Voznesenka; 19, 23, 53 – Glodosy; 24, 25, 28, 33, 37, 42, 43 – Bykovo II, tumulus 3, tombe 5; 26 – Zaplavka; 29 – Samarkand; 30, 31, 57, 58, 62 – Brusjany II (30, 31, 62 – tumulus 2, tombe 1; 57 – tumulus 21, tombe 2; 58 – tumulus 12, tombe 2); 34, 35 – Rozhdestvenskij III, tumulus 6, tombe 8; 38, 39 – Novinki II (38 – tumulus 24; 39 – tumulus 7, tombe 1); 40 – Chir-Jurt, tumulus 37; 46 – Mokrajа Balka; 49 – Yasinovo; 51, 52 – Novyje Sanjary; 55 – Kelegeji; 59, 60 – Novinki II, tumulus 14, tombe 15; 61 – Novinki I, tumulus 9, tombe 6; 63, 64, 66, 69 – Brusjany III, tumulus 1; 65 – Tepsen, tombe 11; 67, 68 – Sukhaja Gomoljšha (67 – tombe 143, 68 – tombe 54)

бляшки из п.2 к.1 II Брусянского могильника и п.1 к.2 IV Брусянского могильника, и п.5 к.3 Быково II (Смирнов К.Ф., 1960, с.229, рис.22, 8-15) (рис.5, 27, 28, 30, 31) не имеют ничего общего с европейскими геральдическими, поскольку принадлежат к характерным восточнотюркским типам кон.VII-IX в. Близкие аналогии можно найти в поясных наборах из Самарканда (рис.5, 29) и тюркского погребения в Чуйской долине (Распопова В.И., 1965, рис.1, 10, 33), более поздние немного отличаются креплением. Круглые гладкие бляшки (рис.5, 15, 24, 25) были в Заплавке (рис.5, 26) и могиле 9 из Кудыргэ (рис.5, 16); бляшки-розетки из Быково (рис.5, 37) находят аналогии в этой же могиле 9 и в могиле 11 Кудыргэ (рис.5, 32, 36); быковские же бляшки с мелким рубчатый бордюром (рис.5, 33) близки бляшкам из п.8 к.6 III Рождественского могильника (рис.5, 34, 35) (Матвеева Г.И., 1995, с.24-26). Щитовидным бляш-

кам из Быково (рис.5, 42, 43) близки бляшки из кудыргинских могил 9 и 10 (рис.5, 41), к.37 Чир-Юрта (рис.5, 40).

Появление в Поволжье вещей восточнотюркского стиля, очевидно, связано с новой восточной волной тюркского населения, погребения которого, как уже отмечалось в отношении п.5 к.3 Быково II, появляются здесь на этапе Вознесенки (Комар А.В., 1999, с.120). В той же восточнотюркской манере выполнена и имитация геральдического наконечника из п.1 к.7 Новинковского могильника (рис.5, 39) – это лишь дериват. Два настоящих геральдических наконечника данного типа обнаружены в п.1 к.2 Березовского I могильника (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.5, 9, 10), но погребение, как уже отмечалось, уверенно относится к горизонту Вознесенки. Коробчатый геральдический наконечник из насыпи к.24 Новинковского II могильника (рис.5, 38) также

не может служить достоверным признаком VII в., поскольку в той же насыпи найдена железная подпружная пряжка с вертлюгом (Матвеева Г.И., 1997, рис.107, 1), характерная для восточнотюркских погребений 2-й пол.VIII – 1-й пол.IX в. и салтовских комплексов 2-й пол.VIII-IX в. Из деталей снаряжения коня все наиболее ранние также относятся к горизонту Вознесенки (стремля из насыпи к.1 III Рождественского могильника, комплекты стремян и удила из п.4 к.12 могильника Брюсяны II и насыпи к.5 могильника Шелехметь II) (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, рис.27, 8, табл.XLII, 3, 4; Багаутдинов Р.С., 1995, рис.2, 6, 13, 14). Ни одного комплекса с “чистой” геральдикой среди “новинковских” погребений нет, зато они хорошо известны на Нижней Волге (Синицын И.В., 1947, с.130-131; Синицын И.В., 1954, с. 230-234; Синицын И.В., 1959, с.110, рис.34, 1, 2; Синицын И.В., 1960, с.106-107, рис.39, 12-14; Максимов Е.К., 1956, с.65-85). К этому же культурному и хронологическому кругу принадлежит и погребение из Новоселок, датированное А.В.Богачевым 2-й пол.VI в. и отнесенное к турбаслинской культуре (Богачев А.В., 1998, с.30-32). Сомнения И.О.Гавритухина совершенно справедливы: никаких оснований сужать дату погребения до 2-й пол.VI в. нет (Гавритухин И.О., 2000, с.27-28). Правда также и Г.И.Матвеева, отрицающая принадлежность погребения к турбаслинской культуре и находящая аналогии в причерноморских впускных погребениях перещепинской культуры (Матвеева Г.И., 1997, с.92-93), но в последнем случае не совсем понятно игнорирование нижеволжской группы таких же погребений. Скорее всего, новоселковское погребение отражает северную границу кочевий нижеволжского населения, которое в засушливые периоды, несомненно, было вынуждено подниматься до лесостепи.

Происхождение и судьба “новинковского” населения

Корректно ли сравнивать памятники новинковского типа с погребениями перещепинской культуры? А.В.Богачев сомневается в этом, считая, что такие сопоставления корректны лишь в случае количественного равенства памятников (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.169; Богачев А.В., 1998, с.90). При этом исследователь не учитывает принципиальные стадийные различия между рассматриваемыми комплексами. Рядовые подкурганые погребения перещепинской культуры горизонта Перещепины исключительно впускные и рассредоточены на огромной территории восточноевропейской степи. Перед нами археологическое отражение 1-й стадии кочевания по С.А. Плетневой (Плетнева С.А., 1982). При всех спорных моментах этой концепции, кажется, ни у кого не вызывает сомнений, что смена одиночных впускных погребений могильниками с основными погребениями всегда отражает этапы освоения кочевни-

ками новой территории независимо от степени их государственной организации.

Могильники горизонта Перещепины известны – Чир-Юрт, Борисово, Рябовка, но во всех случаях они бескурганые и расположены далеко не в степных условиях. Уже на этапе Вознесенки ситуация меняется: появляются основные подкурганые погребения – Романовка, к.13 Дорофеевского могильника, к.17 Наташино, м.1 Новогригорьевки – и в дальнейшем впускные погребения VIII-IX в. в междуречье Днепра и Волги становятся редким исключением. Регион Средней Волги иллюстрирует появление новой традиции – сооружение кургана, причем не только над одним, но и над несколькими погребениями одновременно. Также нельзя не обратить внимание на появление могильников, свидетельствующих о прочном обживании территории данным населением. Увеличение числа погребений закономерно, это обычная схема: наиболее ранние погребения единичны, дальше с появлением основных погребений и курганных могильников их число резко увеличивается, достигая геометрической прогрессии в бескурганых могильниках.

При сравнении погребений разных стадий важно не количественное соотношение погребений, а качественные изменения в погребальном обряде, произошедшие при переходе с одного уровня на другой. Этот момент частично затронут А.В.Богачевым, обратившим внимание на невозможность прямолинейного сравнения расположения останков коня в новинковских курганах и впускных перещепинских погребениях (Богачев А.В., 1998, с.90-91). Изменения обряда при переходе от впускного погребения к основному не так уж и велики, совершенно другая ситуация с переходом к бескурганному обряду. Основная тенденция изменения погребального обряда в грунтовых могильниках – максимальное упрощение обряда. Подбой и ямы с заплечиками очень быстро сменяются простыми ямами, погребения коня пытаются расположить как можно более компактно, вследствие чего его каноническое пространственное положение и ориентация зачастую резко меняются, само погребение коня стремятся заменить его символами (сбруей, чуцелами или небольшими куклами), уменьшается количество жертвенной пищи и т.п. Финальный результат таких поисков приводит к довольно заметным отличиям нового обряда от исходного, и археологам в этом случае при прямолинейном сравнении будет довольно сложно прийти к выводу о культурном тождестве двух групп населения, находившихся, на самом деле, на разных стадиях развития. Учитывая это, например, уже по таким показателям, как восточная ориентация костяка и обряд разрушения скелета, новинковские погребения корректно сравнивать с салтовскими погребениями Нетайловского могильника.

Обряд разрушения скелета практически неизвестен в рядовых погребениях перещепинской культуры вне Чир-Юрта (исключение – п.2 Карнауховского кургана, которое, впрочем, могло быть и просто ог-

рабленным) (Ляпушкин И.И., 1958, с.322), что, на первый взгляд, может служить аргументом против возможности прямой генетической связи данного населения и “новинковцев”. Но, как справедливо отметил В.С.Флёров, обряд обезвреживания покойников – явление стадиальное, в “свое” время возникающее в различных древних обществах (Флёров В.С., 1999, с.230). Были ли для этого основания у населения перещепинской культуры?

Модель В.С.Флёрова предполагает почти обязательное возникновение обряда обезвреживания у кочевников на этапе перехода к оседлости, и именно такую ситуацию исследователь и видит в новинковских памятниках (Флёров В.С., 2000, с.65-68). Модель действительно проста, но в случае с новинковскими памятниками объективно у нас нет серьезных оснований говорить даже о полуоседлом способе существования данного населения, поскольку смена одиночных впускных погребений могильниками у кочевников означала не более, чем установление постоянных территорий сезонных перекочевок. Изменения же погребального обряда обязательно связаны с изменениями в идеологических представлениях, которые вряд ли меняются столь резко даже на начальной стадии перехода кочевников к полуоседлости. Нужно искать дополнительные, более сильные, факторы, и в перещепинской культуре они действительно есть.

Как мы уже пытались показать (Комар А.В., 1999, с.132-133; Комар О.В., 2000), в кон.VII – нач.VIII в. в западной части ареала перещепинской культуры (Северное Причерноморье и Западное Предкавказье) ингумации с северо-восточной и восточной ориентацией постепенно сменяются кремациями. Кремация с кольчатой и солидом Тиберия III открыта на “Вакуровском бугре” в дельте Волги (раскопки В.А.Никонова 1990 г.). Три кремации известны и среди новинковских погребений, а кроме того, по данным А.В.Богачева, 3% новинковских ингумаций несут следы сильной обожженности костяков (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.55). Особенно показательны кремационные п.4 грунтового Шелехметьского могильника (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, рис.9, 2), небольшой каменный заклад которого был вытянут по оси 3-В, а рядом располагались остатки растянутой шкуры коня, ориентированного головой на запад, как и шкура коня из п.2. к.2 Шиловки. Новинковские кремации явно не инородны, а оставлены тем же населением, которое хоронило своих покойников по обряду труположения. Несмотря на явную родственность перещепинскому и, позднее, салтовскому населению, кремировавшему своих покойников, “новинковцы” не практиковали этот обряд широко, зато у них распространяется обряд обезвреживания. Связь обрядов кремации и обезвреживания ингумированных покойников наиболее ярко проступает в биритуальных могильниках черняховской культуры, традиционно используемых для сравнения с Нетайловкой.

Ситуация здесь немного другая, поскольку у черняховского населения наоборот наблюдается по-

явление обряда труположения. В докладе на IV Международной археологической конференции студентов и молодых ученых (Киев, 16 мая 1996 г.) нам уже пришлось обращать внимание коллег на наблюдения Т.Б.Лукиновой о происхождении слова “упырь” и связанных с ним комплексом представлений. По ее мнению, “у-пыр” не только на праславянской, но и на общиндоевропейской почве реконструируется с первоначальным значением “не сожженный”. Нарушение обряда закономерно вызывало страх перед несожженным покойником, порождая легенды о “живых мертвецах” – “упырях” (Лукинова Т.Б., 1988, с.141-142). Среди способов борьбы с упырями постоянно фигурируют вскрытие могилы и поражение тела железным или осиновым колом в сердце или голову, а также самый радикальный – сожжение. Именно разрушение тела в области грудной клетки и головы при явных следах ритуальных действий с использованием огня и фиксируется в черняховских погребениях с северной ориентацией скелета. Скорее всего, появление обряда ингумации у готского населения сопровождалось сохранением некоторого страха перед несожженными покойниками, следствием чего и стал обязательный обряд разрушения верхней части тела после (а иногда и до) его скелетации.

Сравнение славяно-германских представлений с тюркскими носит, конечно, условный характер, но эта модель убедительно показывает возможность появления обряда радикального обезвреживания покойников (путем разрушения костяков) при переходе от трупосожжений к труположениям и наоборот.

Особенности новинковского обряда обезвреживания анализировать тут нет необходимости, но все же следует отметить, что В.С.Флёров не прав, относя каменные выкладки исключительно к данному обряду и отрицая их алтайские истоки (Флёров В.С., 1999, с.230). Первоначальное значение каменного или любого другого кургана над погребением несомненно включало элемент обезвреживания покойника, но к VII-VIII вв. об этом вспоминали уже мало, более важными стали форма и способ возведения насыпи. В нашем же случае сочетание округлых каменных набросок и подпрямоугольных оградок прозрачно указывает на алтайское происхождение данной традиции, хотя и с местной спецификой: выкладки иногда перекрывались землей, находились в насыпи или же панцирем перекрывали земляную насыпь. Зато довольно очевидно отличие конструкции новинковских курганов от насыпей курганов-куруков, независимо, попадались ли камни в последних или нет.

В Северном Причерноморье пока известны только два перещепинских кургана, но они как раз очень близки новинковским: кремационная могила I Ново-григорьевки была перекрыта округлой каменной выкладкой, а в к.17 Наташино погребение перекрыли сначала небольшой круглой каменной наброской, а сверху землей. Несмотря на резкие социальные различия, определенную близость к новинковским оградкам обнаруживает и насыпь-ограда Вознесенки, состоящая из перемешанной с камнями земли. Примечательно, что

кремации из II Бруснянского могильника (п.1 к.10 и п.6 к.23) находились соответственно внутри неполной оградки и под каменной выкладкой (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл. XXIV, 1; XXXIII, 1), причем в к.10 других погребений не было, а в к.23 из шести погребений под каменной выкладкой находилось только кремационное погребение 6, ингумации же группировались вокруг него. Социальные это отличия или же какие-то другие, пока судить сложно (выборка крайне мала), но связь перещепинских и новинковских кремаций, а также обожженных поминальных комплексов вещей с каменными выкладками и четырехугольными сооружениями довольно устойчива.

Родственность "новинковцев" приазовскому населению перещепинской культуры больших сомнений не вызывает, но возможность прямой миграции данного населения в регион Самарского Поволжья, которую предполагают Г.И.Матвеева и А.В.Богачев (Матвеева Г.И., 1997, с.90-98; Богачев А.В., 1998, с.90-92), пожалуй, еще следует доказать. Версия о бегстве на Волгу части булгар после поражения от хазар выглядит довольно забавно: в то время, как Аспарух бежит от хазар с востока на запад, пересекая Дон, Днепр, Днестр и даже Дунай, эта гипотетическая группа булгар почему-то "бежит" хазарам навстречу в Прикаспий и поднимается вверх по Волге до Самарской Луки. К тому же, по иронии, единственное погребение с явными "юго-западными" связями в инвентаре из к.1 Шиловки по погребальному обряду оказывается как раз наиболее веским доказательством связи данного населения с регионом Северного Кавказа. Отказ от болгарской версии возвращает нас к определению возможных причин миграции причерноморского населения. "За", косвенно, свидетельствует уже отмеченный нами факт практически полного исчезновения рядовых перещепинских погребений Причерноморья и Приазовья на этапе Вознесенки (Комар А.В., 1999, с.132-133; 2000, с.140). Если абсолютные рамки горизонта (705-725 гг.) определены верно, то причины можно поискать в климатической и политической ситуациях.

В основу схемы изменений климата в бассейне Днепра за исторический период Ю.Л.Раунером (Раунер Ю.Л., 1981) положена работа Г.И.Швеца (Швец Г.И., 1978), в которой сведения о стоке Днепра, благодаря ленточной стратиграфии донных отложений, даны с точностью абсолютных привязок до года. Риск использования таких данных несомненно есть, но все же не попытаться воспользоваться ими с нашей стороны было бы нелогичным. Согласно данным Г.И.Швеца, в период с 695 г. по 722 г. сток Днепра упал до коэффициента 0,89 от нормы (Швец Г.И., 1978, табл.6). Ситуация, на первый взгляд, не критическая, но только не в контексте предыдущих климатических изменений в причерноморской степи. Почти столетие, в период с 297 г. по 396 г., сток Днепра держался на той же отметке 0,89 от нормы (с небольшим влажным промежутком 339-347 гг.). Что этот период означал для более восточных районов евразийской степи, объяс-

нить излишне: появление гуннов и начало Великого переселения народов говорит само за себя. Потом последовал период 396-598 гг. (чередование небольших сухих и влажных периодов), на протяжении которого ситуация немного выровнялась, степь немного "оживала", хотя сухих лет было все-таки в 1,3 раза больше, чем влажных. С 598 г. по 677 г. наблюдался опять очень длительный период сухих лет с коэффициентом стока Днепра 0,9. Интересно, что сухое лето сопровождалось суровой и продолжительной зимой, греческие источники особо упоминают жестокие зимы 605 и 670 гг. (Бучинский И.Е., 1963, с. 81).

Не столько годовой недостаток влаги, сколько крайне затяжной характер периода (80 лет), в сумме должен был привести к серьезному уменьшению травяной массы в степи и сделать ее малопригодной к постоянному проживанию тут большой массы кочевников. Конечно же, по берегам рек и многочисленных балок и летом оставалось достаточно зеленой травы, но ее добывание означало разделение племени на мелкие коллективы, рассеянные на большой площади, что в беспокойные годы просто угрожало самосохранению племени. Возможно, именно поэтому за период от появления тюркютов возле Херсонеса в 580 г. до появления в Причерноморье булгар Аспаруха около 679 г. письменные источники ни единым словом не упоминают о каких-либо кочевниках в северопричерноморской степи.

Хазары проникли в Северное Причерноморье сразу вслед за булгарами около 679 г., т.е. в одиннадцатилетний период (677-687 гг.) подъема стока Днепра до коэффициента 1,04, когда степь, очевидно, временно стала плодородной. Потом опять последовали шесть сухих лет (687-692 гг.), и снова – четыре с коэффициентом 1,04 (692-695 гг.). Новый сухой период 695-722 гг. явно постепенно возвратил степь в первоначальное малопригодное состояние. Только после 722 г. сток Днепра начал неуклонно увеличиваться, а сухие периоды стали короче, чем влажные. Переход суббореальной эпохи к современному субатлантическому климату завершился по Ю.Л.Раунеру около 750 г., после чего наблюдается постоянный рост увлажнения (Раунер Ю.Л., 1981, табл.1).

Попав в Северное Причерноморье в довольно благоприятный период, хазары вряд ли откочевали бы назад из-за засух 687-692 гг., более вероятной выглядит возможность их продвижения на север, в славянскую лесостепь, что и фиксируется появлением рябовского могильника на Сумщине, арцибашевского погребения на Рязанщине, а также выпадением славянских кладов в, казалось бы, совершенно отдаленных от степи регионах (Трубчевский, Гапоновский, Суджанский, Колосковский и др.). Факт закапывания драгоценностей во время опасности довольно обычен, но вот факт массовой невостробованности кладов можно объяснить только внезапными перемещениями славянского населения вследствие глубокого проникновения кочевников в лесостепь Левобережья Днепра. Следующий похожий эпизод наблюдаем со славянскимикладами 2-й группы (Пастырское, Киев,

Зайцево), причем их выпадение сопровождается выразительным разгромом кочевниками Пастырского городища и проникновением хазар в Киевское Поднепровье (Белая Церковь, Геленовка) (Комар А.В., 1999, с.119, 133). Можно ли считать случайным в данных обстоятельствах “второе пришествие” хазар в лесостепь именно во время второго засушливого периода 695-722 гг.?

Помимо климатических проблем, в нач.VIII в. у хазар возникли и политические. В хазаро-византийских отношениях после 712 г. наступает временное затишье, зато еще в 708 г. вновь громко о себе напоминают арабы, захватившие под началом Масламы ибн Абд ал-малика Дербент. Поход против хазар Маслама повторил и в 91 г.Х. (709/710 гг.) (Новосельцев А.П., 1990, с.178). Нахождение значительной части населения в Причерноморье для хазар фактически означало его неучастие в любых военных действиях на кавказском фронте, где арабы серьезно активизировались в 1-й четв.VIII в. и, как показали дальнейшие события, нанесли в период 722-737 гг. ряд тяжелых поражений хазарам. Нормальной реакцией государственного аппарата каганата в таких условиях стало бы перемещение части западных племен назад в регион Северного Кавказа для усиления военного контингента, но “поймать” это население археологически сложно, поскольку уже в 737 г. его ждали новые переселения.

Самарско-симбирская группа по своему расположению на границе лесостепи соответствует нашим представлениям о климатической ситуации нач.VIII в., но в контексте политической оказывается как бы и лишней, не совсем логичной в данных обстоятельствах. Но, с другой стороны, включение этой миграции в систему “плановых” переселений в рамках Хазарского каганата исключает возможность ее случайности: четкая осмысленность, смелость и масштабность переселенческой политики хазарской администрации вряд ли у кого-то вызовут сомнения.

Важность средневолжского региона для хазар была продемонстрирована ими еще раз на рубеже VIII-IX вв., когда севернее “новинковцев” в Нижнее Прикамье были переброшены с Северного Кавказа племена болгар и барсиллов, к ним присоединили мадыарское племя эскел (оставившее, скорее всего, Танкеевский могильник). Этот конгломерат племен и составил позже Волжскую Булгарию. Ни территориально, ни хронологически новинковские и болгарские памятники не пересекаются. Резкие отличия наблюдаются и в материальной культуре этих групп населения. Показательно, что Г.И.Матвеева просто признала волжских болгар “второй миграционной волной”, не оговаривая судьбу “первой” (Матвеева Г.И., 1997, с.98), в коллективной же монографии Р.С.Багаутдинова, А.В.Богачева и С.Э.Зубова, в подзаголовок которой даже была вынесена фраза “у истоков татар Волго-Камья” (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998), по справедливому замечанию В.С.Флёрова, о “татарах” (волжских булгарах) вообще практически нет ни слова (Флёров В.С., 1999, с.233). Но, если различия столь оче-

видны, откуда взялась уверенность самарских исследователей в “булгарском” этносе “новинковцев”?

Критикуя взгляды Е.П.Казакова, Г.И.Матвеева попыталась изложить в общих чертах свою позицию (Матвеева Г.И., 1997, с.94-98). Правда, при этом львиную долю “особенностей” погребального обряда, проанализированных Г.И.Матвеевой, почему-то составляют такие признаки, как наличие мела или посыпки, костей коня, угля и кострищ, подбоев и ям со ступеньками, жертвенной пищи и т.д., которые на самих новинковских памятниках не достигают даже 25% рубежа встречаемости, а следовательно, не могут определять облик новинковского обряда в целом. Многие аналогии выглядят странно: непонятно, например, каким образом каменные заклады над грунтовыми погребениями могильников Девни соотносятся с каменными выкладками новинковских курганов, а ямы с глубокими заплечиками Большетарханского могильника – с подбоями; неясно, почему наличие “салтовских” кувшинов причисляется к этническим признакам болгар и т.п. Неточно также утверждение о преобладании северо-восточной ориентации в могильнике Нови-Пазар (на самом деле: ССВ – 32, С – 3, ССЗ – 1, ЮЮЗ – 1 и СВ – 2), на могильнике явно преобладает обычный для могильников Болгарии сектор СЗ-СВ, который соответствует северной ориентировке с сезонными отклонениями.

Вопрос об ориентации погребенных, пожалуй, самый большой для булгарской версии этноса “новинковцев”. В Дунайской Болгарии восточная ориентация крайне редка и относится к единичным исключениям, северо-восточная же является сезонным отклонением от северной. В могильниках волжских болгар полностью доминирует западная ориентировка. Восточная известна на Танкеевском могильнике (8%), но по инвентарю и некоторым особенностям погребального обряда (лицевые маски) Танкеевский могильник очень сходен с мадыарским Больше-Тиганским могильником, антропологические же исследования подтвердили, что оставившее его население отличается от болгар и принадлежит к местным приуральским типам (Халикова Е.А., 1971; 1972; Казаков Е.П., 1971; 1972; Акимова М.С., 1973).

Среди тюркских погребений салтовской культуры, которые в современной науке до сих пор принято все без разбора называть “болгарскими”, восточная ориентация характерна только для Нетайловского могильника и крымского могильника Тау-Кипчак (в последнем, правда, исследованы только 4 погребения, данным же об ориентации разрушенных, по понятным причинам, доверять сложно) (Баранов И.А., 1990, с.115), северо-восточная известна в прикубанском могильнике Казазово I (Тарабанов В.А., 1983). Восточный сектор несколько преобладает и в ориентировке погребений в ямах Саркела (Артамонова О.А., 1963, табл.2, 3). Эту группу погребений нельзя считать “каноничной”, скорее всего, речь идет о жителях Саркела, погибших во время вражеского нападения и похороненных в хозяйственных ямах и постройках, но все

же, наблюдается определенное стремление положить убитых широтно, головой или лицом к востоку.

Этническая принадлежность салтовских могильников раньше определялась исследователями просто: если погребения не катакомбные и принадлежат брахикранам, значит “болгарские”. На отсутствие серьезной аргументации данной аксиомы уже обращал внимание Г.Е.Афанасьев (Афанасьев Г.Е., 1987, с.200). Фактически, такой подход осознанно утверждает, что в рамках Хазарского каганата все оседлое тюркское население принадлежало к единственному суперэтносу – “болгары”, но сейчас сам тезис о присутствии в составе тюркского населения Хазарского каганата иных болгар, кроме волжских, нуждается в новом комплексе серьезных доказательств.

Удобно, но, пожалуй, наивно полагать, что в таком огромном и сложном образовании, как Хазарский каганат, сосуществовали всего два-три различных по происхождению тюркских этноса. Хазары не составляли небольшую “социальную верхушку” каганата, как часто утверждается в историографии, под этим этнонимом вполне могли скрываться до десятка различных тюркских племен (нам известно название только одного – кабар). Учитывая же невероятное разнообразие погребальных традиций тюрков Западно- и Восточнотюркского каганатов, следует ожидать, что и среди хазарского населения существовали группы, различные по погребальному обряду, вещевому набору и антропологически. Также совершенно очевидно, что внутри хазар наблюдалось заметное социальное и имущественное расслоение, вследствие чего должны фиксироваться археологически и группа погребений высшего социального слоя, и большой массив погребений рядового населения. Были, конечно же, и зависимые тюркские племена, пользовавшиеся разной степенью свободы и, несомненно, различавшиеся степенью интегрированности в экономику и культуру каганата. Эти обстоятельства свидетельствуют, что сегодня на порядок дня нужно выносить не вопросы выделения среди салтовских погребений “хазар”, “болгар” и т.п. – сегодня нужно поднимать вопрос о выделении групп тюркского населения с отличиями в погребальном обряде, инвентаре, антропологии и т.п. с последующим изучением степени их родства, географии расселения, места в социально-экономической структуре каганата. Такие исследования, несомненно, появятся в будущем, пока же мы вынуждены прибегать только к поверхностным наблюдениям.

Наиболее интересным из салтовских могильников в контексте определения этноса “новинковского” населения, несомненно, является Нетайловский. Географическое расположение могильника включает его в рамки Верхнесалтовского археологического комплекса – безусловного центра северо-западной части Хазарского каганата, и в этом контексте нельзя не обратить внимание на то, что “нетайловская” группа во всем регионе Северского Донца представлена только здесь. В Верхнесалтовском могильнике пока не известны катакомбы старше горизонта I/II, в то время как Нетайловка возникает гораздо раньше, одновременно

но возникает и катакомбный Старосалтовский могильник (Комар А.В., 1999, с.129-133). Как показали исследования Г.Е.Афанасьева, Старосалтовское городище действительно расположено в наиболее удобном пункте бассейна Северского Донца (Афанасьев Г.Е., 1993, с.124-129), но правильно выбранный аланами центр был перенесен в последней трети VIII в. в регион Нетайловки, что диктовалось, скорее всего, не интересами алан, а именно интересами “нетайловцев”.

Верхнесалтовский и Нетайловский могильники исследованы на сегодня только частично, поэтому расчеты численности погребений делаются только исходя из площади могильников, достигая у некоторых исследователей нереальных цифр (например, соответственно 60000 катакомб и 15000 погребений у А.В.Крыганова) (Крыганов А.В., 1998, с.358-359). Независимо от различных оценок, понятно, что счет идет на тысячи, а уже одно это делает Верхний Салтов одним из крупнейших населенных пунктов Восточной Европы, а “нетайловскую” группу тюркского населения, как это ни странно звучит, наиболее многочисленной после алан во всем регионе Подонья. Дело в том, что Донецко-Луганский регион, являвшийся зоной расселения населения “зливкинской” группы, исследован пока слабо, но все же даже гипотетические расчеты площадей всех известных могильников не позволяют говорить о суммарной цифре больше 3-4 тысяч погребений. При этом следует учитывать, что и среди ямных погребений с западной ориентацией выделяются несколько различных групп. Так, наряду со “зливкинской” группой, уже сейчас следует четко выделять группу могильников: Волоконовка, Червоная Гусаровка, Красная Горка, Крымский, Багаевский, явно оставленных другим населением, тесно связанным с салтовским населением Крыма и одновременно родственным кочевым группам, оставившим курганы раннесалтовского типа.

О социальных маркерах среди инвентаря говорить довольно сложно, учитывая специфику нетайловского погребального обряда (обряд обезвреживания), но все же следует отметить находку византийского солида в п.164Б; также половинка еще одного солида была найдена в нетайловском погребении в сезоне 1998 г. (сообщение А.В.Крыганова). Золотые византийские монеты в ареале салтовской культуры пока происходят исключительно из степных подкурганов погребений, свидетельствуя о возможности доступа к византийско-хазарским контактам (или к распределению полученных таким образом материальных ценностей) лишь данной группе населения (Семенов А.И., 1991; Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988). В лесостепном Подонье, кроме Нетайловки, византийские солиды найдены только в подкурганном погребении из Столбища, причем последнее также ориентировано на восток (Афанасьев Г.Е., 1987). Курганная насыпь, солиды, золотой поясной набор, меч и кольчуга со шлемом делают погребение из Столбища пока наиболее богатым и наиболее явным погребением представителя социальной верхушки каганата в лесостепном Подонье.

степном Подонье. Учитывая, что синхронные столбищенскому погребения тут известны только в кремационных (Тополь, Новая Покровка, Сухая Гомольша, Красная Горка), катакомбных (Старый Салтов, Дмитриевка) могильниках и в Нетайловке, столбищенское погребение может быть соотнесено лишь с “нетайловской” группой населения.

Характеризуя последнюю, можно констатировать ее наиболее выгодное географическое расположение и факт выбора места основания центра северо-западной части каганата именно данной группой населения; расположение же погребения из Столбища довольно прозрачно указывает, что в ее интересах осуществлялось и переселение алан в верховья Северского Донца и Оскола. Превосходя все другие тюркские группы Подонья по численности, “нетайловцы” в то же время жили не рассеянно на большой территории, а концентрировались в одной точке, что в случае военной опасности позволяло максимально быстро мобилизовать довольно большие собственные силы, а также солидное аланское ополчение. Наконец, Нетайловка – единственный салтовский могильник, появившийся в раннесалтовское время и просуществовавший до позднесалтовского горизонта (Комар А.В., 1999, с.130-131). Суммируя высказанные выше наблюдения, можно констатировать, что “нетайловцы” – единственная группа тюркского населения в регионе Северского Донца, претендующая на роль непосредственного исполнителя воли центральной хазарской администрации.

С.А.Плетнева соотнесла с таковой другую группу салтовского населения, оставившую кремационные погребения (Плетнева С.А., 1967, с.101). Но все салтовские могильники по обряду кремации прекращают функционировать еще на этапе горизонта III (сер. IX в.). Интерпретируя этот факт, мы высказали гипотезу о связи данного события с восстанием кабар (Комар О.В., 1999, с.167-168). Если гипотеза верна, то продолжение функционирования Нетайловки дополнительно свидетельствует в пользу связи “нетайловцев” именно с группой хазар, контролировавших правительство каганата, или наоборот – безропотно выполнявших его приказы. В любом случае, позиция “нетайловцев” в государственной иерархии Хазарского каганата была выше, чем позиция кабар, принадлежащих, по данным Константина Багрянородного, к “роду хазар” (Константин Багрянородный, 1990, с.163). Не закономерно ли в данных обстоятельствах наличие группы кочевого населения, в общих чертах родственного “нетайловцам”, в Поволжье?

Если бы речь шла о Нижнем Поволжье, то сомнений бы ни у кого не возникло, но в случае с самаро-симбирской группой смущает ее слишком северное расположение. Так ли это удивительно? Письменные источники свидетельствуют, что основная хазарская орда зимовала в районе дельты Волги, покидая его весной и возвращаясь к зиме. Современные астраханские полупустыни действительно выгорают уже в мае, а в июле-августе начинают высыхать даже самаро-симбирские равнины. Зеленая трава остается

только по берегам Волги и многочисленным балкам впадающих в нее рек и ручьев. Учитывая, что в I-й пол. VIII в. климат был гораздо засушливее, чем нынешний, а также необходимость сохранения части пастбищ для зимовки, уже в апреле (в месяце Ниссан по письму царя Иосифа) кочевники были вынуждены подниматься вверх по Волге выше широты Волгограда. Наиболее выгодно в этих условиях сворачивать в сторону Дона в районе Волго-Донского канала и кольцом к зиме возвращаться на Нижнюю Волгу. Археологически в Нижнем Подонье действительно фиксируется наибольшая концентрация хазарских курганов VIII в., причем наиболее богатых. Такая схема хорошо соответствует описанию сезонной перекочевки царя Иосифа: от Атиля он двигался до “большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг (нашей страны), пока не придем к концу (нашего) города” (Коковцев П.К., 1932, с.86-87, 102). Нижнедонские степи вряд ли смогли бы прокормить все лето и осень большое количество населения, поэтому здесь, скорее всего, располагались только главные хазарские роды. Остальные хазары были вынуждены подниматься по Волге вверх, разбиваясь на небольшие племена и родовые коллективы, растягиваясь по долине Волги и ее притоков на сотни километров.

Современная Самарская Лука находится в лесостепных условиях, но в раннем средневековье могло быть и иначе. К сожалению, точных данных о стоке Волги нет, можно лишь воспользоваться данными о об уровне Каспийского моря, который, по мнению Л.Н.Гумилева, в кон. VI в. находился на отметке минус 32 м и далее возрастал (X в. – минус 29,5-28,5 м; XVI в. – минус 26,5 м; 1804 г. – минус 22,3 м) (Гумилев Л.Н., 1996, с.61, 64-65, 81). Поднятие уровня Каспия хорошо коррелируется с возрастанием стока Днепра, а это свидетельствует, что изменения климата в бассейне Днепра были частью более широких климатических процессов. Скорее всего, и в бассейне Волги в период II-5 по Ю.Л.Раунеру (100-650 гг.) (Раунер Ю.Л., 1981, табл.1, рис.5) наблюдалась длительная ксеротермическая фаза, которая, несомненно, привела к заметному отодвиганию границ степи и лесостепи на север. Поэтому в VIII в. Самарская излучина должна была находиться в степной зоне или на границе с лесостепью. Суббореальные зимы при этом были наоборот холоднее, чем современные, т.е. для зимовий Самаро-Симбирское Поволжье было еще менее пригодным, чем сейчас, и вариант постоянного добровольного пребывания тут кочевников маловероятен (волжские булгары оказались в Прикамье позже, причем вряд ли по своей воле). Возникает закономерное предположение, что в годичном цикле передвижения поволжских кочевников данный регион использовался, преимущественно, в наиболее сухие месяцы лета – июль и август, после чего постепенно начиналось обратное движение к местам зимовий ближе к Нижней Волге.

Уникальные природные условия Самарской Луки способствовали скорее не постоянному проживанию тут кочевников, а превращению ее в своеобразный огромный курук – территорию мертвых. Нетрудно

заметить, что благодаря р.Уса Самарская Лука представляет собой вытянуто-овальную зону (рис.1, 1), напоминающую монгольские куруки I типа по В.Е.Войтову (рис.1, 2) и ориентированную так же – по оси запад-восток. Единственное отличие: узкий проход расположен не с восточной, а с западной стороны. Примечательно, что именно в могильниках вне этого природного “курука” (Урень II, Старомайский I, Шиловка, Березовка) и наблюдается концентрация курганов с ровиками, символически замещающими сооружения рукотворных куруков, причем там, где есть разрыв ровика (к.2 могильника Урень II, к.1 могильника Брусяны III), он расположен с западной стороны. Курган 1 могильника Брусяны III – пока единственный курган с ровиком внутриприродно Самарского курука, но его уникальность этим не ограничивается: само погребение совершено в огромной круглой яме диаметром 5,4 м с ровиком по контуру дна, а наземный ровик представляет собой вытянутый прямоугольник, далеко выходящий за границы насыпи (рис.1, 5) (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.190-192, табл.XV, табл.XVI, 1, 2). Особый статус погребенного, очевидно, заставил хазар в данном случае не надеяться на силу природного курука, а “перестраховаться” и соорудить дополнительную сакральную линию защиты в виде ровика, что, впрочем, не особо помогло, поскольку в кургане фиксируется явный грабительский вкоп. Для остальных погребений новинковского типа роль сакрального защитного рва выполнял изгиб Волги, поэтому данное население следует считать идеологически родственным группе хазар, оставивших курганы раннесалтовского типа степного междуречья Дона и Волги.

Напрашивается закономерное предположение, что “новинковская” и “нижнедонская” группы населения отражают две разные племенные группировки хазар. Причины отличий между ними, возможно, частично объясняет один из аспектов концепции А.А.Иванова. По мнению исследователя, анализ погребального обряда и инвентаря позволяет утверждать об отсутствии генетической связи рассмотренной им группы курганов с квадратными ровиками с более ранними памятниками “сивашовского” типа, а также о внезапности появления данной группы населения в Восточной Европе в кон.VII в. (Иванов А.А., 2000, с.20-23). Среди погребений перещепинской культуры на самом деле известна небольшая группа погребений с западной ориентировкой, которая сопоставима с более поздними погребениями курганов раннесалтовского типа, но этих связей, конечно же, не достаточно. В то же время, довольно большое количество связей с перещепинскими погребениями обнаруживают новинковские. Новинковские погребения по обряду, инвентарю и хронологически близки к обеим анализируемым группам и выступают как бы звеном, связывающим их между собою. Это, как отмечалось, заметно даже в конструкции луков, которой, вслед за А.М.Савиным и А.И.Семеновым, придает особое значение как этническому индикатору и А.А.Иванов. Противоречия, как ни странно, легко снимаются, если

мы действительно согласимся с гипотезой А.А.Иванова о появлении “нижнедонской” группы населения в Восточной Европе не ранее 2-й пол.VII в.

Заключение

В литературе довольно часто можно встретить заблуждение о появлении хазар в Европе только во 2-й пол.VII в. На самом деле первое достоверное упоминание хазар в хронике Псевдозахарии (Пигулевская Н.В., 1939, с.114; Новосельцев А.П., 1990, с.32) датируется периодом 558-565 гг. К моменту изгнания хазарами Аспаруха они уже более столетия проживали в Европе, а, следовательно, любая новая волна тюркского населения с востока, появившаяся тут в VII-VIII вв., не могла быть “хазарами” в узком понимании этого слова. Население “волны 2-й пол.VII в.” вполне могло мигрировать на запад после разгрома Западнотюркского каганата в 656-659 гг. Именно ее появление в Восточной Европе, очевидно, и спровоцировало изгнание хазарами уюгундугов Аспаруха и переселение части хазар в Северное Причерноморье около 679 г. Новая группа тюркютов не относилась к племенному союзу хазар, тем не менее, она была более родственна каганской семье, и поэтому со временем, по-видимому, не только заслужила полное доверие кагана хазар, но и стала играть доминирующую роль в каганате. Старые хазарские племена были отодвинуты на задний план, что и обусловило их расселение в VIII в. на северной периферии каганата – в Среднем Подонье и Среднем Поволжье. Нам неизвестны подлинные мотивы восстания кабар, но не исключено, что это как раз и могла быть неудачная попытка “настоящих” хазар вернуть себе утраченные позиции.

Культура Хазарского каганата за продолжительное время его существования (630-965 гг.) неоднократно претерпевала резкие изменения, наиболее значительные из которых произошли после 737 г. Второй хронологический этап (737-965 гг.) давно выделен в салтовскую “культуру”, хотя, учитывая огромные различия между ее локальными вариантами, в данном случае более применим другой археологический термин – “культурно-историческая общность”. Памятники раннего этапа (632-737 гг.) исследованы значительно хуже, но уже сейчас понятно, что по территории распространения, количеству и специфике локальных вариантов он мало уступает салтовской культуре.

Термин “перещепинская культура”, предложенный М.И.Артамоновым и А.И.Айбабиным только для северопричерноморских памятников, используется нами в гораздо более широком значении – для определения всего раннего этапа культуры Хазарского каганата. Проблем с таким разграничением нет для большинства рассматриваемых памятников: слишком резкие перемещения населения после 737 г. привели к тому, что основная часть салтовских памятников появляется после 737 г., а немногочисленные долго функционировавшие перещепинские памятники (Чир-Юрт) прекращают существование до этого ру-

бежа. Небольшая проблема возникает только в отношении Борисовского могильника, где представлены два перещепинских горизонта, переходной горизонт Галиат-Геленовка и раннесалтовский (Комар А.В., 1999).

Похожая проблема с памятниками новинковского типа. Перемещения 737 г. не затронули данную группу населения, но ее коснулись культурные изменения, сопровождавшие смену перещепинской культуры салтовской. Здесь присутствуют три хронологических горизонта: Вознесенка, Галиат-Геленовка и раннесалтовский (Столбище-Старокорсунская). Погребения горизонта Вознесенки уже упоминались выше, но их число может быть больше, поскольку многие новинковские погребения безынвентарные или с невыразительным хронологически инвентарем; то же касается и горизонта Галиат-Геленовка. Горизонт Галиат-Геленовка здесь не привязывается к дате 737 г., а, следовательно, сливается с этапом 1а раннесалтовского горизонта и датируется шире – 725-750 гг. К горизонту можно отнести п.2 к.12, п.4 к.22, п.6 к.23 могильника Брусяны II, к.14 Новинковского II могильника и к.1 Малой Рязани I. Если для остального ареала салтовской и перещепинской культур горизонт Галиат-Геленовка был с оговорками отнесен нами к перещепинской культуре (Комар А.В., 1999, с.133), то здесь его культурная позиция практически неопределима: он действительно просто переходной. Это же касается и к.14 могильника Подгорненский IV из Нижнего Подонья. Похоже, за горизонтом Галиат-Геленовка нужно действительно закрепить переходной не только в хронологическом, но и в культурном плане статус.

Из хорошо датированных комплексов новинковского типа абсолютное большинство относится к раннесалтовскому горизонту (“брусянский этап” А.В. Богачева). Наиболее поздний из них – к.1 могильника Брусяны III. В погребении находился характерный среднесалтовский конский налобник с немного другим декором (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл. XVII, 2), но все остальные бляшки узды заметно отличаются от среднесалтовских. Выгнутые прямоугольные уздечные пряжки (рис.5, 66) находят близкие аналогии в к.1 могильника Романовский I (Копылов В.П., 1979, рис.188). Декор кистеня (рис.5, 69) аналогичен уздечным бляшкам из п.2 к.1 могильника Саловский I (Копылов В.П., 1981а, рис.43), п.143 Сухой Гомольши (рис.5, 67), также оформлена и центральная часть лировидной подвески из п.54 Сухой Гомольши (рис.5, 68). Узда саловского и романовского погребений отличается от брусянской, но указанные параллели все же не позволяют предполагать заметную хронологическую дистанцию между ними. Оба указанные погребения по поясным наборам и солидам Льва III и Константина (Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988, с.59-60; Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А., 2000, рис.3) относятся к эталонным комплексам этапа 1б раннесалтовского горизонта. Пряжка из к.1 Брусяны III (рис.5, 63) близка пряжке из п.11 Тепсеня (рис.5, 65) того же горизонта, а комплектный ей наконечник (рис.5, 64) по размерам и форме близок наконечникам колчанного набора из п.2 к.1 могиль-

ника Саловский I (Копылов В.П., 1981а, рис.70, б). Учитывая отличие брусянской узды от среднесалтовских и раннесалтовских этапа 1б, наиболее вероятной будет ее позиция в рамках этапа 2 раннесалтовского горизонта, т.е. 770-790 гг. Комплексов горизонта I/II и среднесалтовских горизонтов среди новинковских нет.

Практически синхронно исчезают и нижнедонские курганы раннесалтовского типа. Так, даже не к горизонту I/II, а к этапу 2 раннесалтовского принадлежат поясные детали из п.1 к.2 могильника Кутейниковский II и п.1 к.8 могильника Соколовский (Иванов А.А., 2001, рис.6), поэтому выделенная А.А.Ивановым группа среднесалтовских поясов в курганах с ровиками на самом деле ограничивается к.13 Барановки I и еще одним пока не опубликованным курганом из Нижнего Подонья.

Сложно сказать, с чем были связаны процессы исчезновения курганов раннесалтовского типа и памятников новинковского типа: с наступлением благоприятного влажного климата и переходом к полупустотности, резко сократившими ареал кочевий, или же с внутренним переворотом в каганате и отстранением от власти кагана бегом с последующим принятием иудаизма. Вряд ли такое событие, как смещение кагана, могло пройти мирно, обязательно последовали перераспределения должностей и кочевий между сторонниками и противниками бега (Булана?). Большие территориальные встряски особенно хорошо заметны в кон.VIII в. на примере переселения булгар, которые были передвинуты в два региона: в Волго-Камье и степную часть бассейна Северского Донца, причем, что интересно, строго на север от “новинковцев” и сальско-маньчских хазар. Четкое соблюдение границ можно сопоставить со словами из письма бега Иосифа: “каждый из (наших) родов имеет еще (наследственное) владение (полученное от) своих предков” (Коковцев П.К., 1932, с.102). Выполняя рокировку населения внутри каганата, бег (Булан?), тем не менее, оставлял границы кочевий хазар практически неизменными, дальновидно пытаясь решить проблему поощрения сторонников не за счет других хазар, а, в первую очередь, за счет зависимых племен. Если это так, то исчезновение памятников новинковского типа и резкое сокращение количества курганов раннесалтовского типа до кон.VIII в., скорее, действительно связано с определенными изменениями в хозяйственном укладе хазар, развитием Атиля в крупный городской центр и т.п.

Более важен другой момент: памятники Самаро-Симбирского Поволжья демонстрируют плавное перерастание перещепинской культуры в степной вариант салтовской горизонта Столбище-Старокорсунская. Здесь прекрасно наблюдается эволюция форм украшений убора и пояса, вооружения и снаряжения коня, появление салтовской гончарной керамики. Такая же ситуация в степном междуречье Нижнего Дона и Волги, а также в Борисовском могильнике. Именно эти три этнические группы населения, которые условно можно назвать “нетайловско-новинковской” (ингумации с восточной ориента-

цией и обрядом разрушения костяка), “нижнедонской” (ингумации с западной ориентацией в курганах-куруках) и “борисовской” (кремации), и были ядром, определявшим облик материальной культуры Хазарского каганата.

Вывод несколько неожиданный в контексте магистральной линии современного хазароведения, направленной исключительно на изучение материальной культуры оседлого и полuosедлого *зависимого населения* Хазарского каганата. Но, в итоге, это рано или поздно должно было произойти: новые, пока еще малочисленные и слабоизученные, но до-

статочно яркие памятники постепенно начинают оконтуривать материальную культуру Хазарского каганата раннего этапа – этапа кочевнической империи.

Основными творцами и носителями номадической культуры раннего Хазарского каганата были именно кочевники-хазары, и лишь в процессе их длительного сосуществования с зависимыми племенами под действием многочисленных внешних и внутренних факторов к кон. VIII в. окончательно оформилась в своем хрестоматийном виде синкретическая салтово-маяцкая культура развитого Хазарского каганата.

Литература и архивные материалы

- Абрамова М.П.**, 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа// СА. № 2.
- Акимова М.С.**, 1973. Антропологические материалы из Танкеевского могильника// Вопросы антропологии. Вып.45. М.
- Алексеев Н.А.**, 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск.
- Амброз А.К.**, 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации// Древности эпохи великого переселения народов. М.
- Артамонов М.И.**, 1962. История хазар. Л.
- Артамонова О.А.**, 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи// МИА. № 109.
- Атавин А.Г.**, 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987. Муравьевский клад: к проблеме оногуро-болгаро-хазарских миграций в лесостепь// СА. № 1.
- Афанасьев Г.Е.**, 1993. Донские аланы. М.
- Ахмеров Р.Б.**, 1970. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии// Древности Башкирии. М.
- Багаутдинов Р.С.**, 1995. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки// Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.**, 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Балинт Ч.**, 1995. Введение в археологию авар// Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Баранов И.А.**, 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья: Салтово-маяцкая культура. К.
- Барта А.**, 1972. Истоки венгерской культуры X в.// Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Бичурин Н.Я.**, 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.-Л.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н.**, 1995. Раннеболгарский курган у с.Осиновка// Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Богачев А.В.**, 1998. Кочевники Лесостепного Поволжья V-VIII вв. Самара.
- Болтрик Ю.В., Комар А.В.**, 2001. Хазарский курган на правом берегу р. Молочной// Археология восточно-европейской лесостепи. Вып.16. Воронеж.
- Бубенок О.**, 1997. “Чорні” і “білі” хозари: до питання про поширення кольорової семантики середньовічних номадів євразійського степу// Східний світ. № 1-2.
- Бучинский И.Е.**, 1963. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. К.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.**, 1993. Скалистинский могильник. К.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.**, 1990. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча// СА. № 1.
- Войтов В.Е.**, 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.
- Гаврилова А.А.**, 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.-Л.
- Гавритухин И.О.**, 2000. К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.**, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гадло А.В.**, 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
- Газимзянов И.Р.**, 1995. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего

- средневековья// Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Гинзбург В.В.**, 1965. Антропологическая характеристика черепа человека из впускного погребения в кургане № 3 в урочище Уч-Тепе// МИА. № 125.
- Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А.**, 1974. Отчет о работе Северско-Донецкой новостроечной экспедиции в 1974 г. Ворошиловград// НА ИА НАН Украины, № 1974/13.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П.**, 1960. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции// МИА. № 78.
- Голенко К.В.**, 1956. Имитация солида VII в. из Поднепровья// ВВ. Т.ХІ.
- Грінченко В.А.**, 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі// Археологія. Т.3.
- Гумилев Л.Н.**, 1996. Открытие Хазарии. М.
- Даркевич В.П.**, 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М.
- Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н.**, 1975. Отчет о раскопках курганов у с.Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г.// НА ИА НАН Украины, № 1975/50.
- Евтюхова Л.А.**, 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии// МИА. № 24.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С.**, 1995. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии// МАИЭТ. Вып.ІV.
- Захoder Б.Н.**, 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. Т.І. М.
- Иванов А.А.**, 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис... канд. ист. наук. Волгоград.
- Иванов А.А.**, 2001. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья// Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара.
- Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А.**, 2000. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала// Донская археология. № 1.
- Иченская О.В.**, 1981. Об одном из вариантов погребального обряда салтовец по материалам Нетайловского могильника// Древности Среднего Поднепровья. К.
- Казakov Е.П.**, 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казakov Е.П.**, 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника// Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Киселев С.В.**, 1949. Древняя история Южной Сибири// МИА. № 9.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В.**, 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону// АО 1971 г. М.
- Ковалевский А.П.**, 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
- Коковцев П.К.**, 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Колотухин В.А.**, 1983. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства второй очереди Северо-Крымского канала в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 1983/8.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы// Vita Antiqua. № 2. К.
- Комар О.В.**, 1999. Коментарі до статті: Тахтаї А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области// Vita Antiqua. № 2. К.
- Комар О.В.**, 2000. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї// Археологія. № 1.
- Комар О.В., Піоро В.І.**, 1999. Кургани хозарського часу на Луганщині// Vita Antiqua. № 2. К.
- Кондаков Н.**, 1896. Русские клады. Т. I. СПб.
- Кондукторова Т.С.**, 1967. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане// Вопросы антропологии. Вып.25. М.
- Константин Багрянородный**, 1991. Об управлении империей. М.
- Концевич І.О., Михайличенко Б.В.**, 1997. Судова медицина. К.
- Копылов В.П.**, 1979. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 г.// НА ИА РАН. P-1, № 7831, 7831а.
- Копылов В.П.**, 1981а. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1981 г.// НА ИА РАН. P-1, № 8607, 8607а.
- Копылов В.П.**, 1981б. Раскопки курганов в Цимлянском районе// АО 1980. М.
- Копылов В.П., Смоляк А.Р.**, 1988. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII в.// Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
- Круглов Е.В.**, 1990. О подкурганых захоронениях калмыко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

- Круглов Е.В.**, 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 4.
- Круц С.И.**, 1978. Палеоантропологический материал Южнобугской экспедиции (1969-1976 гг.)// Курганы на Южном Буге. К.
- Крыганов А.В.**, 1998. Нетайловский могильник на фоне праболгарских могильников Европы// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Кубарев В. Д.**, 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др.**, 1984. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 г.// НА ИА НАН Украины, № 1984/11.
- Кузнецов В.А.**, 1985. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска// СА. № 3.
- Кызласов И.Л.**, 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л.**, 1996. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии// РА. №3.
- Кызласов Л.Р.**, 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р.**, 1981. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв.// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Левина Л.М.**, 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Лукинова Т.Б.**, 1988. Из наблюдений над лексикой, связанной со способами захоронения у древних славян// Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т.4. К.
- Ляпушкин И.И.**, 1958. Курганный могильник близ карнауховского поселения// МИА. № 62.
- Магомедов М.Г.**, 1977. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника// Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала.
- Магомедов М.Г.**, 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Максимов Е.К.**, 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII веков на территории Нижнего Поволжья// Археологический сборник. Вып.1. Саратов.
- Марчик А., Фоти Э., Леринци Г.**, 2000. Археологические и антропологические связи между степями Евразии и раннеаварской группой населения в карпатском бассейне// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.
- Матвеева Г.И.**, 1995. Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника// Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Матвеева Г.И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Мовсес Каланкатуаци**, 1984. История страны Алуанк. Ереван.
- Могильников В.А.**, 1981. Тюрки// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Моруженко А.А., Зарайская Н.П. и др.**, 1983. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 1983/50.
- Мотов Ю.А.**, 1998. Кинжалы и ножи кочевников раннего средневековья// Вопросы археологии Казахстана. Алматы.
- Новосельцев А.П.**, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
- Плетнева С.А.**, 1982. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А.**, 1999. Очерки хазарской археологии. М.
- Путинцева Н.Д.**, 1961. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение)// Материалы по археологии Дагестана. Т.2. Махачкала.
- Распопова В.И.**, 1965. Поясной набор Согда VII-VIII вв.// СА. № 4.
- Раунер Ю.Л.**, 1981. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период// Известия АН СССР. Серия географическая. № 6.
- Репников Н.И.**, 1906. Некоторые могильники области крымских готов// ИАК. Вып.19.
- Рыков П.**, 1929. Позднесарматское погребение в кургане близ с.Зиновьевки, Саратовской губернии. Саратов.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1995. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа// Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Сарапулкин В.А.**, 2000. Раннеболгарское погребение у с.Новохарьковка Воронежской области// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.14. Воронеж.
- Саханев В.**, 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах// ИАК. Вып.56.
- Семенов А.И.**, 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону// Проблемы археологии. Вып.2. Л.
- Семенов А.И.**, 1982. Центральноазиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата// XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
- Семенов А.И.**, 1985. Художественный металл Романовского погребения на Дону// Художественные памятники

- ки и проблемы культуры Востока. Л.
- Семенов А.И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. Вып.29. Л.
- Семенов А.И.**, 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса// АСГЭ. Вып.31. Л.
- Синицын И.В.**, 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья// Ученые записки СГУ. Вып. XVII. Саратов.
- Синицын И.В.**, 1954. Археологические памятники в низовьях реки Иловли// Ученые записки СГУ. Вып.39. Саратов.
- Синицын И.В.**, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953)// МИА. № 60.
- Синицын И.В.**, 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.)// МИА. № 78.
- Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А.**, 2000. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья// Краеведческие записки. Вып.IX. Самара.
- Сміленко А.Т.**, 1965. Глодоські скарби. К.
- Смирнов К.Ф.**, 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области// МИА. № 60.
- Смирнов К.Ф.**, 1960. Быковские курганы// МИА. № 78.
- Сокровища хана Кубрата**, 1997. СПб.
- Сташенков Д.А.**, 1995а. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье// Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Сташенков Д.А.**, 1995б. Особенности погребального обряда хазарского времени в Среднем Поволжье// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Тарабанов В.А.**, 1983. Средневековый могильник у аула Казазово// Историческая этнография: традиции и современность. Л.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир**, 1988. Новосибирск.
- Уварова П.С.**, 1900. Могильники Северного Кавказа// Материалы по археологии Кавказа. Вып.VIII. М.
- Федоров-Давыдов Г.**, 1984. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье// Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флёрв В.С.**, 1999. Рец.: Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997// РА. № 3.
- Флёрв В.С.**, 2000. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Халикова Е.А.**, 1971. Погребальный обряд Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Халикова Е.А.**, 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели// Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Худяков Ю.С.**, 2000. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков// РА. № 4.
- Чаллань Д.**, 1954. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства// Acta Antiqua. Т.П. F.3-4.
- Чичуров И.С.**, 1980. Византийские исторические сочинения. М.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. и др.**, 1973. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.// НА ИА НАН Украины, № 1973/8.
- Швец Г.И.**, 1978. Многовековая изменчивость стока Днепра. Л.
- Шер А.Я.**, 1963. Памятники алтайско-орхонтских тюрков на Тянь-Шане// СА. № 4.
- Шилов В.П., Лагоцкий К.С.**, 1976. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1976 г.// НА ИА РАН. P-1, № 6295.
- Fettich N.**, 1926. Das kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn// АН. Т. I.
- Fiedler U.**, 1992. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn.
- Garam E.**, 1975. The Szebeny I-III cemetery// Avar Finds in Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period /567-829/ in Hungary). Vol.1. Budapest.
- Garam E.**, 1993. Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengrabern im Ungarischen Nationalmuseum. Budapest.
- Laszlo G.**, 1955. Etudes Archeologiques sur l' historiae de la societe des Avars// АН. Т.XXXIV.
- Lorinczy G.**, 1992. Vorläufiger Bericht über die Freilegung des Gräberfeldes aus dem 6-7 Jahrhundert in Szegvár-Oromdülő// Communicationes archaeologicae Hungariae. Budapest.
- Lorinczy G.**, 1995. Fülkesírok a Szegvár-Oromdülői kora Avar kori temetőből// Studia Archaeologica I. Szeged.
- Muller R.**, 1996. Das Graberfeld von Gyenedias// Reitervölker aus dem Osten. Hunnen + Awaren. Eisenstadt.
- Parchomenko O.V.**, 1990. Die Keramik der Saltovo-Kultur am oberen Lauf des Don// Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica/. III. Budapest.
- Werner J.**, 1986. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Wien.

Summary

A.V.Komar (Kiev, Ukraine)

On Dating and Ethnocultural Attribution of the Shylovka Barrows

The paper deals with the analysis of two barrows of the Shylovka burial ground (the Middle Volga region) and their cultural and historical background. Detailed investigation of the burial mounds design, the funeral rite and goods has been carried out and their chronology determined. The author comes to the conclusion that the barrows described are closely related to the group of the Khazarian population who left the monuments of the Pereschepina culture. Shylovka barrows belong to the chronological horizon of Voznesenka (705-725 A.D.).

The origin and semantics of the "barrows with square ditches" have been analysed and two new terms for their attribution have been proposed, namely: "the barrow of the Early Saltov type" and "the kuruk barrow". The author has also studied the origin, ethnic and cultural attribution, and chronology of the Novinki type monuments, which, as the author argues, show a gradual development of the Pereschepina culture into the steppe variant of the Saltov culture attributed to the Stolbische-Starokorsunskaya chronological horizon (740-775 A.D.). These monuments belong not to the Bulgarians, but to the group of the Khazarian population who left the Shylovka barrows.

A.V.Komar (Kiew, Ukraine)

Über die Datierung und die ethnischkulturelle Zugehörigkeit der Kurgane von Šylovka

Im Artikel werden die Komplexe zweier Kurgane vom Gräberfeld Šylovka (Mittlere Wolga) und ihr kulturhistorischer Kontext analysiert. Dabei werden Konstruktion der Aufschüttung, Bestattungsritual, das Beisetzungsinventar, Chronologie untersucht. Es wird geschlussfolgert, dass beide Kurgane mit der Gruppe der Chasarenbevölkerung verbunden sind, die die Denkmäler der Pereščepina-Kultur hinterließ, in deren Rahmen die beiden Kurgane zum Voznesenka-Horizont (705-725) gehören.

Bei der Analyse werden die Abstammung und die Semantik „der Kurgane mit Quadratgraben“ untersucht, für deren Beschreibung zwei neue Bezeichnungen - "Kurgan vom frühen Saltov-Typ" und „Kuruk-Kurgan“ vorgeschlagen werden. Analysiert werden auch die Abstammung, die kulturelle und ethnische Zugehörigkeit, die Chronologie der Denkmäler vom Novinki-Typ, die nach Meinung des Autors die fließende Entwicklung der Pereščepina-Kultur in die Steppenvariante der Saltov-Kultur des Stolbišče-Starokorsun-Horizontes (740-775) aufweisen und nicht mit Bulgaren sondern mit der Gruppe der Chasarenbevölkerung verbunden sind, die Kurgane von Šylovka hinterlassen hat.

A.V.Komar (Kiev, Ukraine)

La question sur la date d'appartenance ethnique et culturelle des tumulus de Shilovka

L'article analyse les complexes de deux tumulus de la nécropole de Shilovka (le bassin de la Volga moyenne) et leur contexte culturel et historique. On examine en détail la structure du remblai, les coutumes funéraires, le mobilier funèbre, la chronologie. On fait la conclusion sur leur liaison avec le groupe de la population Khazare, qui avait laissé les monuments de la culture de Pereščepina dans le cadre de laquelle les deux tombes se rapportent à l'horizon de Voznesenka (705-725).

Au cours de l'analyse sont examinés l'origine et la sémantique "des tumulus aux fosses carrés", pour la définition des quels on propose deux nouveaux termes : "le tumulus du type de Saltov précoce" et "le tumulus du kuruk". L'auteur examine aussi l'origine, l'appartenance culturelle et ethnique, la chronologie des monuments du type de Novinki, qui, à l'avis de l'auteur, présentent la transformation progressive de la culture de Pereščepina en la variante de steppe de la culture de Saltov de l'horizon de Stolbišče-Starokorsunskaja (740-775) et ne sont pas liés aux Bulgares, mais au groupe de la population Khazare, qui avait laissé des tumulus de Shilovka.